

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

СИБИРСКИЕ ОТЧИЗНЫ

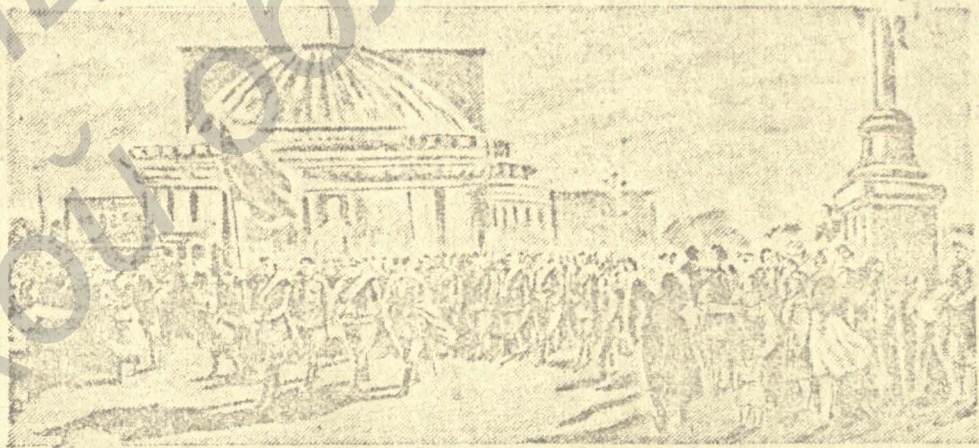
СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК НОВОСИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ДЛЯ СИБИРЯКОВ-ФРОНТОВИКОВ. ЯНВАРЬ 1944 г.

Воинам-сибирякам

От лесов и гор и пашен
На передний край
Наш привет гвардейцам нашим,
Песня, передай.
Земляки, друзья, мы с вами,
Думаем о вас.
С вами сердцем и делами
На каждый день и час.
В синеве долин, над камнем,
Меж листвы и хвои —
Песни грозные, сверканье
Стали боевой.
Зреет сила боевая,
Ворогу на страх...
Ваша доблесть оживает
В молодых полках.
Из тайги, с алтайских склонов
Вдоль стальных дорог
Эшелоны, эшелоны —
Грозовой поток.
В бой решительный и правый
Шлет Сибирь полки,
Чтоб не меркла вечно слава,
Ваша, земляки!
Над Кузбассом черной выюгой
С раннего утра
Из забоев — уголь, уголь
Лавой на-гора.
Над Кузнецком зори встали
Летом и опок.
Глыбы стали, струи стали —
Огненный поток.
Горновым и сталеварам
Фронтовой приказ,
Говорят у домен с жаром,
Земляки, о вас...
А еще — леса и горы,
Полные рудой,
Кузнецкие просторы —
Колес золотой.
А еще — озер соленых
Золотое дно,
А еще — стада на склонах —
Тонкое руно.
А еще — обская слава
До полярных льдин —
Ароматы лесосплава,
Серебро путин.
— Все, чем край богат и славен,
Добыто трудом.
Земляки, мы с вами, с вами,
На врага идем!
Под шатром хвои, в полесье
Под ночной звездой
К вам летит высокой песней
Голос молодой.
На песках, в росистых травах,
У костров в ночи —
Всюду ходит ваша слава,
Песнею звучит.
В бой идет за вами следом
Наш горячий труд.
Зори сталинской победы
Над землей встанут.

«Наша девушка»
Картина О. Шеремитинской.

«Возвращайтесь с победой»

Картина Переднего.

Дары родного края

Ушли на войну лучшие люди — сильные, смелые, стойкие, мужественные. Ушли быть проклятию немчуру. Ушли родные и близкие, сыновья и отцы, мужья и братья. Ушли друзья по работе, товарищи по школе, приятели по охоте и рыбной ловле. Ушли освобождать советскую землю от поганых захватчиков.

Помнит их родная Сибирь. В цехах заводов, на полях колхозов и совхозов каждый день вспоминают их добрую славу. Все ждет с победой. И, напрягая все свои силы, старается помочь приблизить этот светлый день. Десятками часов рабочие не отходят от станков — куют оружие для фронта. От зарю до зари работают колхозники в поле — обеспечивают армию и города хлебом, мясом, маслом. День и ночь мчатся на запад поезда — везут самолеты, танки, снаряды, патроны. Везут все необходимое фронту.

Перед большими праздниками мчатся из западных областей поезда. Они везут подарки бойцам и офицерам — пельмени, дичь, рыбу, мед. Везут теплые вещи, любовно приготовленные заботливыми руками матерей и жен. Везут дары родного края.

Новосибирская область шествует над одной гвардейской стрелковой дивизией, над гвардейским минометным полком, над гвардейским авиационным полком и над Северным морским флотом.

Перед знаменательными днями Сибирь собирает в далекий путь делегации городов и сел. Эти делегации побывали в гвардейской стрелковой дивизии, три — в Северном морском флоте, одна — в гвардейском минометном полку. Сейчас выезжают новые делегации — к морякам Северного флота и к гвардейцам стрелковой дивизии. Они везут подарки. Везут письма, — везут заботу и любовь родного края.

Только за один последний год Новосибирская область отправила своим подшефным частям 193 вагонов с подарками. Новосибирские комсомольцы поднесли морякам Северного флота ценный подарок — подводную лодку, построенную на бережениях комсомольцев области. Лодке присвоено название «Новосибирский комсомолец».

Сейчас новосибирские комсомольцы заказывают вторую подводную лодку для подшефного флота.

С нетерпением ждут сибиряки вестей с фронта, от своих родных, от подшефных частей. Эти вести приходят каждый день. Их приносит радио, газеты. Их привозят делегации подшефных частей. И вести все радостные, волнующие. Вести о присвоении гвардейских званий, об уничтожении десятков тысяч гитлеровцев, о пущенных ко дну транспортах противника, об освобожденных городах и селах Украины, Белоруссии, Ленинградской области. Вместе со всей Красной Армией

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!

Наш город

Над городом нашим не гаснут зарницы.
И хвойные ветры летят издали.
На запад илут поездов вереницы,
На север плывут по Оби корабли.

Наш город высокий, он крепок и молод,
Сибирский, в нем и сила видна.
Мечты и дерзания город,
Где нежность, забота и дружба верна.

На фронт ли уходят, в дорогу ли
дальнюю,
Но верят его молодые сыны,
Что вечером синим на площади Сталина
Должны они встретиться после войны,

Чтоб вспомнить, как в ливень,
бураны и стужу
В сугробах глубоких и в горькой пыли
Мы строили город, ковали оружие
И с городом вместе мужали, росли.

Пройдешь ли по светлым, высоким
кварталам,
В зеленой тени первомайских аллей —
Припомнится песня, слетит усталость,
И станет на сердце теплей, поселит.

Кто раз в молодое лицо его глянет —
Покажется — с городом с детства
знаком.

Недаром москвич, одесит, киевлянин
Становится скоро его земляком.

На фронт ли уходят, в дорогу ли
дальнюю,
Мечтают его молодые сыны,
Что вечером синим на площади Сталина
С друзьями они пострелять должны.

Чтоб вспомнить, как в годы,
когда зоевали,
Каким юн им близким казался вдали,
Как письма писали ему на привале,
Как письма его на груди берегли.

Как мы тосковали о милой Сибири,
О городе — сердце могучем ее,
В котором росли мы, трудились,
любили,
Ковали победу и счастье свое!

АЛЕКСАНДР СМЕРДОВ.

КОГДА МЫ СЛУШАЕМ САЛЮТЫ

Когда в ночи мы слушаем салюты
И эхо их гремит по всей стране,
Ты вспомни тех, кто в эту же минуту
Последний выстрел сделал на войне.

Ты вспомни тех, кто в бури и метели
Последнюю атаку отбивал,
Кто в пулях простреленной шинели
На смерть пред этим городом стоял.

Ты вспомни тех, кто смерти шел
навстречу,
Бессмертностью шел навстречу в грозный
час,
И в этот ясный, в светлый этот вечер
Смотрел на звезды в свой последний
час.

И все, что вспоминаешь, в памяти храни ты,
Как лучшее, что в жизни ты узнал,
Полков название, имена убитых,
И город, что навек свободным стал.

У студеного колодца,
У водины ключевой
Слышал я, как он смеется
Мой товарищ фронтовой.

В перелеске, у болота,
За неведомой рекой
Видел я, как он дерется
Мой товарищ фронтовой.

И в огне одной атаки,
Над большой чужой бедой
Видел я, как он заплакал
Мой товарищ фронтовой.

Если может так смеяться,
Если плакать может так,
Если может так он драться —
Значит сломлен будет враг.

Значит снова петь нам вместе,
Значит снова вместе жить,
Значит будет жизнь чудесной,
Значит нечего тужить.

Марк ЧЕРНЯКОВ.

Елизавета СТЮАРТ

Раздумье

Давай, товарищ, вместе помечтаем...
Все ближе час, когда утихнет бой...
И в мире встанет тишина такая,
Какую позабыли мы с тобой...

Но это будет краткое молчанье —
Нам дольше и невмочь перенести,
Нам только бы перевести дыхание
С тобою после трудного пути!

И песню снова петь захочет птица,
И в новый путь захочется тебе.
И мы с тобою станем торопиться
Навстречу изменившейся судьбе.

Нас будут ждать по горло сожженным,
Чтоб мы пришли строиться к ним,
Нас будут ждать нетерпеливыми,
Забывшие о счастье в дни...

Мы города украсим и построим,
В садах опять соцвет гнездо покой...
Но сердце же не согреть и успокоить
Поверь, товарищ, будет нелегко.

Уж очень тяжки были их печали,
Суровы дни и горестны пути...
Мы слишком редко письма им писали...
Им это все пришлось перенести...

Но мы придем. Откроем двери настежь.
И вместе с ветром фронтовых дорог
К солдатским женам, позабывшим
счастье,

Оно опять шагнет через порог!

И радость, все тревоги отгоняя,
Сотрет морщинки ранние со лба...
Давай, товарищ, вместе помечтаем
О том, как переменится судьба...

Январь, 1944 г.

Забойщица Михайлова
Картина Пономаревой.

Из истории сибирских полков

Летом 1759 года русская армия приближалась к Берлину. Много немецких земель и городов заняли русские войска. Шли по немецким землям и полки сибиряков. Молодец к молодцу: метко стреляли, с неуклюжими ружьями того времени обходились наречностью искусно.

20 июля город Франкфурт на реке Одер был занят русскими передовыми частями. Фридрих II, король прусский, не спал по ночам. Его тяготила грозная опасность. Чтобы спасти свою столицу Берлин, свое кичливое государство, свою славу первого европейского разбойника, он быстро выступил навстречу русским войскам и переправился через Одер.

Русский командующий Салтыков решил принять бой на позиции между Франкфуртом и селением Куннерсдорф. Местность позволяла русским окопаться и держать оборону.

Битва при Куннерсдорфе началась 1 августа рано утром. Фридрих хотел, ловко маневрируя, окружить русских с трех сторон и прижать к реке.

Похоже было, что этот план выполняется, только уж очень медленно. Русские цеплялись за каждый камень, за каждый куст. Только к 6 часам вечера немцам удалось потеснить русских, захватить батареи.

С давних времен живет в Сибири традиция, что здесь, на Востоке, за каменным Уральским поясом, не было раньше белого леса, и береза, будто бы, появилась в Сибири только вместе с русским народом. За несколько лет до прихода в Сибирь Ермака Тимофеевича на берегах Иртыша неожиданно стали вырастать одна за другой белоствольные березы.

Это был вестник прихода русских, их разведка.

По сибирским просторам пошли русские землепроходцы. И там, где ступала их нога, появились березовые дубравы. Вместе с землепроходцами российские березы перешли Иртыш, Обь — реку великую, бурный Енисей, холодную Ангара. И так вплоть до Тихого океана на востоке и до Ледовитого — на севере.

Белый лес шел по следам людей. В таежных чащах землепроходцы рубили промысловые зимовья и, расчищая поля для пашен, пускали палы по хвойной тайге. На гарях, на свежих елях вырастал березняк — самая светлюбивая порода леса. Новые поселения, открытые солнцу, обрастали березовыми дубравами. И казалось, что белый лес действительно появился в Сибири вместе с русскими пришельцами.

Землепроходцы проникли в непроходимые тундры, на острова Тихого и Ледовитого океанов, плыли по неведомым рекам, прокладывали тропы по диким дебрям. Они шли «встреч солнцу».

Через вековую мглу смотрят на нас первооткрыватели Сибири, «добытчики угожих земель» — отважные и кряжистые наши прадеды. Вот они — Хабаровы, Москвитины, Дежневы. Поярковы — расступались по широким просторам новой земли и стойко боролись со всеми невзгодами севера. Они не останавливаются ни перед подавляющим простором, ни перед жестоким нравом суровой природы. Огромные географические пространства — десятки тысяч квадратных миль — они «отжигали» — раздвигали своими собственными шагами. В неслыханном и опасном пути сплелись всюду слышат лесной шум. И может быть, тогда рождается среди них удаленная песня: «Шумит дубравушка к погодушке».

Вольные землепроходцы и казаки открыли огромную и богатейшую Сибирь и преподнесли ее в дар своей родине. Россия стала великой тихоокеанской державой и одним из крупнейших государств мира. Географическим центром ее стала земля, находящаяся между двумя ее великими реками — Обью и Енисеем.

Не однажды на русские земли в Сибирь нападали неприятели. Землепроходцы брались за оружие. Южную Сибирь они оттаивали от монгольских и ойратских ханов. На Амуре они героически выдерживали осаду своих крепостей, полчищами китайского богдыхана. На севере они прикрывали свою страну от покушений немцев на северное побережье Сибири.

Задолго до официальных грамот и указов московского царя землепроходцы вступили в дипломатические сношения с соседними странами и показали себя и в дипломатии достойными представителями

могучего народа, умеющего постоять за интересы своей родины.

Во всех делах наших предков мы видим величавые черты характера русского народа, дух волюности, живой ум и широкий размах богатырской натуры. «Покажите мне другой народ в истории мира, — справедливо восклицал сибирский публицист Ядринцев, — который бы прошел, про странство, больше пространства всей Европы, и утвердился бы на нем? Нет, вы не покажете такого народа!»

У Сибири, как говорил Горький, всегда был хороший дух: крепкий, ядреный, смелый, как у молодой сосны. Сибиряки всегда отличались доблестью и высокой преданностью родине. И эта традиционная сибирская доблесть передавалась от отца к сыну, из поколения в поколение. Современные сибиряки полностью унаследовали ее от дедов и прадедов. Не случайно так широко идет по стране слава сибиряков, сражающихся сейчас за родину с лютым немецким фашизмом.

И так же от отца к сыну, из поколения в поколение, передавалась любовь сибиряка к белому светлоблудному лесу, к светлым березовым дубравам. И в этой негаснущей любви сказались, быть может, неясные воспоминания о первобытных родных местах, которые покинули когда-то землепроходцы, чтобы пронести к Тихому океану славу родины на своих плечах, и признать любовь к смелым путешественникам-березам, сопровождавшим землепроходцев по Сибири в их грозном и тяжелом пути.

Люди поселились в лесной стране, где беспрерывно шумят урман. Землепроходцы стали охотниками. На целые месяцы уходили они на звероловные промыслы в хвойные леса. Тайга давала им пищу и одежду, обогрела их у дымных костров. И они полюбили могучий темнозеленый кедр, серебристую лиственницу и стройные эвкалиптовые сосны. Но липкой их по-прежнему оставалась береза. Когда им хотелось пить — в сердце их возникала тоска о «белой березоньке с зеленой косой». А на весеннем «таежном» рынке сибирских деревень украшались ветвями белоствольного леса. На «Семих» девушки выходили в березки и завивают на березках заветные ветки, наряжают белоствольные красавицы в цветистые ленты и водят вокруг них хороводы...

Сейчас в Сибири зима. Она нынче нарочито кроткая и снежная. Леса стоят тихие и неподвижные, укутанные снегом, словно горностаями шкурками. Безлистные ветви берез украсились легкими голубовато-белыми кружевами. Мохнатые лапы кедров и елей тяжело опустились и лебуются синими узорами теней и чудесной игрой солнца на пушистых сугробах. Мягкие груды снега наполняются искорками яркого света и пересыпаются от мороза с еле слышным шуршанием.

Но и в эти спокойные дни нет тишины в старых лесах. Там, вверху, где переплетаются зеленые вершины, стоит извечный протяжный гул.

О чем шумят лесные вершины — человек не знает. Но ему давно известно: шумит дубравушка к погодушке.

Прусские генералы были ранены, самого Фридриха спасла от сибирской пули, по одним источникам — золотая табакерка, по другим — топанья в жеметном кармане. Сибиряки, выскочив из окопов, ринулись вперед на немцев — колоть пшеницу. Пруссаки бежали — дай бог ноги! Напрасно прусские катраны были своих беглецов тесками илами, норовя попасть между фалдами кучных мундирчиков, тщетно грозили пистолетами.

Тогда Фридрих бросил на штурм горы слева цвет своей армии — знаменитых прусских кирасиров приуса Вюртембергского.

Гремя и сверкая, конные латники ринулись во фланг ближайшего к ним Новгородского мушкетерского полка. Казалось, гиканкой силе не сдержать этот поток. Пруссаки сбили мушкетеров и вынудили на площадке горы. Через овраг Кунгунд пошли в атаку и остальные войска Фридриха. И со стороны Куннерсдорфа показались кучные мундирчики.

Генерал-поручик Румянцев, впоследствии знаменитый полководец, двинул на немцев кирасир своих драгун. Поначалу в бой Тобольский сибирский драгунский полк.

Умели тобольские драгуны стрелять и с коня. Это было запрещено уставом тех лет. Но, когда дело дошло до боя с пруссаками-кирасирами, — пригодились.

К погодушке шумит сибирский лес.

Века стояли березовые дубравы и вольный сибирский ветер беззаботно играл в их листве. Но вот пробил грозный час, потомки отважных землепроходцев пошли защищать родину и вслед за ними тронулись на фронт сибирские дубравы. Они, как и встарь, остались верны человеку.

И там, где-то на реке Припять, в верховьях Днепра или на Волхове «не шумит листва, а песню джж разведчик слышит». Это поет сибирская береза. На спине у разведчика винтовка, а ложе этой винтовки и ее ствольная накладка изготовлены в сибирской тайге из добротного березового кряжа. Сибирь подарила бойцу оружие и вместе с ним как бы передала могучую свою силу, овеянную вековыми традициями и легендами.

С первого же дня войны по сибирским дубравам пошли искатели ружейной березы и дымного кряжа.

Как разрослись здесь березовые леса! В Барабинской степи они появляются лишь небольшими веселыми колками, но уже на Омско-Чайковском водоразделе березы смыкаются в обширные дубравы стройного леса, а в зоне сплошных лиственных лесов переходят в огромные массивы. На Обско-Енисейском водоразделе белые леса прываются в хвойную тайгу, конец которой увидели еще никому не удавалось: «Век жить, век, или, а тайга не пройдем!» — говорят сибиряки.

По этим огромным лесным океанам идут искатели. Лета нехватает и они идут зимой, по глубоким снегам, и вокруг них трещат и ломаются от жгучих морозов тяжелые ветви леса. Волел за измученными идут лесорубы-оружейники. Тысячи топоров стучат в лесу и одна за другой падают белые березы. Шумит лес...

Не всякая береза годится для лыж, для оружия бойцов. И для приклада, и для ствольной накладки, и для лыж нужна, как говорят лесорубы, веселая береза. Она должна быть податливой русским характером и не должна иметь ни «косолаза», ни «спящих почек», ни «двойного сердца».

Их много, таких берез в сибирских лесах. И ежедневно лесорубы заготавливают и обрабатывают тысячи и тысячи ружейных кряжей.

И также ежедневно под лучковыми пиллами сибиряков ложатся тысячи стройных кондовых сосен. Деревья эти не умирают. Проходит несколько дней, вырежут их в город, обработают, и звонкогласные северные сосны снова поют, но уже в фюзеляжах боевых самолетов.

Красноармейцы-сибиряки часто пишут с фронта своим отцам-лесорубам оружейникам: «Подержите, батя, ладные винтовки нужны бойцам». Сибирь знает, что добротность оружия — и в его прикладе. Ствол только стреляет, говорит английская пословица, попадает же. И Сибирь тает фронту ладные винтовки с крепкими прикладами.

Сибирский лес идет на самолеты и оружие для новых решающих боев. По-новому шумит сибирский лес. И в народе говорят: «Шумит дубравушка к погодушке».

Конники-сибиряки на полном галопе сбрасывали с плеч ружья, быстро и ловко прицеливались. Рукаву с коня один прусский кирасир, другой, третий... Расстрелились их ряды. А тобольцы налетели с удалым гиком. Знали сибиряки азиатский удар — рубили головы с плеч одним махом. И тяжелые железные шлемы, разукрашенные конским волосом, не спасли немцев от метких, скорых, сыплющихся отовсюду ударов, и латы не сохранили от пули.

Вслед за тобольцами пошел Архангелогородский драгунский полк. Фридрих бросил в последнюю атаку то, что у него еще оставалось: два эскадрона лучших из лучших лейб-кирасир. Но чуевские казаки, увлеченные примером тобольцев, удачи в копьях. В результате ожесточенной битвы немская тяжелая конница уничтожена на всю Европу, была уничтожена, лейб-гвардии полковник Билербеке взят в плен, взят 26 немецких знамен, 2 штандарта, 172 орудия, 40.000 ружей. Потери прусской армии составили свыше 18.500 человек. Сам Фридрих был бы убит или взят в плен, но его выручил адъютант. Покинул «непобедимому» королю спасаться бегством.

Так сибиряки отличились в битве при Куннерсдорфе, где русская армия одержала над немцами памятную победу.

А. МИСЮРЕВ.

Тальникова изгородь

Последние годы перед войной в Приютной редкое лето обходилось без обновки. То школу построили рубленую, погородски, в лапу, то магазин сельпо с затейливым точеным крыльцом. Обновка нынешнего года — всего только тальниковая изгородь, но право же она — лучшее украшение Приютной. Узор, подобный тому, какой выведен на изгороди «елочкой». Сама изгородь так свежа, что от нее протянулись к солнцу зеленые побеги, так обширна, что полдесятка колхозных амбаров и просторный ток свободно разместились на огороженном ею, точно циркулем, обведенном кругу.

В починую пору, за ужином на току, мне рассказали историю плетеной изгороди. Плетли ее женские руки.

Приютная — в самом центре знаменитой своим хлебом Кулунды. В урожайные годы пшеницы здесь так много, что ее не успевают вывозить.

Мужики приучались машинами убирать, на машины надеялись, а мы — из мужиков, — говорила бойкая, языкатая Груня. — В летнее время отведем через поле, а зимой только и смотришь — в базарный день на станцию съезжать...

У Фени, самой молодой из всей бригады, давно нет вестей от мужа. Она обиделась на мужика, вступилась:

— За мужиками нам не угнаться. Что ни говори, они сильнее нас, удалее, на работу споростнее.

— Вот о чем и речь. При их силе, да кабы мы время берегли, а то жили по воле, спали по долгу. Погулять охотники, в рюмку заглянуть не дураки.

— И на здоровье! Жалко, что мало попили, погуляли, — сердилась Феня. — Другому только и досталось.

— Будет тебе, саагы, — шепнула Груня маленькой пожилой Степанида. — Расквистишь бабу. У Фенюшки и без тебя глаза не просыхают.

Степанида на току за бригадиром. Потушив спор, она вернулась к прерванной беседе со мной:

— Когда проводили своих на войну, хлеба стояли не тронутые. Посмотришь на массивы, страх возьмет. Разве управимся одни? Вслух не скажешь, а про себя каждый думал: «Сгною хлеб. Развалю хозяйство. Пропалем». Завода всех сравняла. При счастье ссорились, при горе помирились. Хлеб не ждал. Выстоялся. Из старья, из утиля собирали косилки, лобогрейки, сверх того, что было приготовлено к уборочной. С ребятами, со стариками высилали на поля. Всем миром.

Хорошо это прозвучало у Степаниды, — всем миром...

— Кто умел — косил, кто не мог — за серп взялся.

Груня в плавную Степанидину речь как уксусу в парное молоко подлила:

— За серп взялись, а жать разучились. Молодежь, та в руках серпа не держивала. Козанки себе постесали вкось.

Закусывая лепешкой и аккуратно обтирая губы ребром темной маленькой руки, Степанида сдержанно перешла к делам сегодняшних дней:

— Молотим на одном току комбайном, на стационаре, а рядом, без стеснения, цепями.

Где-то, в дальнем краю деревни залязала лаем собака. Степанида умолкла, прислушивалась, пока не затих лай.

— От комбайнов зерно возим на бычках. Коней только на пахоту. Зяби нынче побольше надо поднять. К скирдам приспособились снопы подносить на ручных волокушках.

Груня снова не утерпела:

— Коров и тех выучили в упряжке ходить. Да что коров, собак ребяташки приспособили, Полканов!

Бригадир недовольно ее остановила. Видно, Груня сболтнула лишнее, о чем постороннему человеку не следовало знать.

— Я про дело, а ты ваканула слово, не знаешь что к чему. Ребячью игру приплела.

— Что я сказала плохого? — оправдывалась Груня. — Бежка не хватят, а с ним благодать. Возили воду на стан, хлеб из пехарки. Вчера на озеро за камышом Татьянины ребята полкали, только пыль столбом.

Но Степанида стояла на своем:

— Хватать не люблю до смерти, но и прибиваться тоже, — сердилась она. — Возят и возят, ребят кто уйдет... А тебе самой нелюбо станет, как разнесется по людям, да смеяться начнут.

Исполняя ночные свои обязанности, на деревне снова залязкала собака. Может быть, это она днем исправно возит тележку с вязанками камыша?

Печальный голос Фени вернул нас к разговору.

— Зима подошла. Плачу по ночам. Кто мне без Василия дров привезет? Сама не посмею. Волков на стены расплодятся множество. Охотиться теперь за ними некому. Замерзну, думаю, с мелюзгой своей. Прихожу как-то раз с поля в потемках. Гляжу, что такое, — возле избы еще изба выросла. Испугалась, не разобрала сразу, что это — куча хвороста у крыльца свалена. Ребятишки-учевики нагадали. Дай им бог здоровья. Безбедно до нескольких морозов топилась, а там дров доставили.

— Красноармейскую семью, да еще бы мы топливом не обеспечили, — бригадир самолюбиво пожала плечами. — Зимой выжишь, бывало, в морозные утра на улицу, посмотришь вдоль деревни, из каждой трубы дым столбом, в каждой избе печка топится. Значит, все обогреты.

— Перед весной мужик мой с фронта писал: «Сейте, пожалуйста, как можно больше хлеба», — застенчиво вступила в разговор, молчаливая до этого, колхозница. — Как с севом управлялись, самим не верилось. Да если бы один сев! Она удивилась, будто эта мысль только сейчас пришла ей в голову. — С весны хляков нарезали, колодец вырыли...

— Его при мужиках сколько лет изланили собирать! Все руки не доходили, — подделась к ней злопамятная Груня, — амбары колхозные стояли на отлете, как горшки; ни кола вокруг, ни двора.

Поощряемая улыбками, Груня, не торопясь, продолжала:

— Сговорились мы, пока мужиков нет — сделаем по-своему, огорожим амбары...

— Груня у нас первой мастерицей оказалась по плетням, — сообщил чей-то приговорно-простодушный голос, — гордились знатно!

Пряча в корзину остатки ужина, бригадир развела:

— У нас такой расчет был: не всякая женщина ребяташек согласится надолго оставить, хотя бы и в детсаду. Такую как пошлешь за десять километров на полевую стан?

В Степанидину речь снова влилась скороговорка Груни:

— Вот мы и построили у самой деревни «Криво-Луково, куда побежало? Зелено-худрько, тебя стечерь».

Бригадир, а за нею все женщины поднялись с вихора мякины, на котором ужили. Отряхнули платья и направились на работу. Груня с бабами — к веялке, Степанида — к весам.

— Намолоченное зерно с поля без обработки сюда привозим. Отходы все равно скоту пригодятся. Отсюда женщины могут в деревню сбегать, ребят покормить.

— Что говорить, дом видно и душа спокойна, — со вздохом согласилась застенчивая колхозница. И опять, возвращаясь все к письмам мужа, досказала:

— Летось фронтовики наши писали, тревожились: «Посеяли, нет, сколько?». А мы им отвечаем: «О нас не беспокойтесь. Домашняя дума в бою не годится. Посеяно против прошлых лет больше. Сено накошено. Дворы перекрыты. Скотинки, слава богу, за год прибавилось».

Груня отозвалась откуда-то от веялки:

— А про плетень, про этот уговорились до поры до времени помалкивать. Думали, еще как-то они посмотрят. Придут, да как не понравится...

Едва споркнуло с Груниных губ это коротенькое «придут», как женщины оживались. Посыпались догадки о том, как вернутся мужья, увидят их постройку.

— Еще смеяться, пожалуй, черти, напут: «Понастроили, скажут, крепостей, понагородили городков... ни пройти, ни проехать».

— Мы тогда все на Груняшку свалим... Даже Феня забылась, повеселела, вздохнула всей грудью и громко, нараспев произнесла:

— Я согласна всю жизнь теперь так работать, только бы все вернулось...

Ее настроение передалось остальным.

— Пусть бы мужики и не работали. Не об этом печаль. Только бы врага прогнали, честь-честь и пришли.

— Только бы пришли...

...Незамеченная, явилась в ту минуту за плетневую изгородь надежда, проникла в каждое сердце, даже в такое, где свила тайное гнездо печаль.

— Так, так, так! — дробно застучала веялка. Зашелестело, полилось очищенное зерно.

...Повинуясь могучему инстинкту, в тяжелый год войны загорелись женщины с запада везд в свою деревню, высокой гордостью обнеси-самое ценное — общественное достояние. Вот отчего колхозный двор в Приютном снаружи напоминает древнее степное укрепление, изнутри — уютное гнездо камышевки.

Анна ГЕРМАН.

Шура Чупахин

В сумерки к полевому стану движется пустая телега, запряженная коровами. Возницы не видно, но по тому, что с правой боковины свесились его белые, как лен, ребячьи волосы, можно догадаться, что он лежит поперек телеги. Он действительно тут. Это подтверждается его голосом:

— Собь... «Белка», собь... Взрослые в шутку говорят о нем: — Наш самый большой мужик.

И в шутку же его называют Александром Ивановичем. Но он на это не сераится, и шутка не переходит в насмешку. Сверстники зовут его просто — Шура Чупахин.

Ему четырнадцатый год, а он уже второе лето работает на коровах. Уже давно он стал «знатым коровником».

Первое время ему дали подменного.

— Ты — маленький, одному тебе работать тяжело, — сказали ему. — Вот тебе напарник — Витька Бертенев. И тут же пустили шутку: «Обоим вам росту два аршина с шапкой. По аршину на брата».

Витька вырос без отца, без матери и прослыл хулиганом. «Самый большой мужик» не сработался с ним. Он пришел в контору и ребром ладони ударил по столу председателя:

— Петр Захарович, с Витькой робить нельзя. Убирайте его... а то я уйду от коров.

Дальше он объяснил:

— Витька коров бьет, гоняет рысью, а мне жалко.

Он по-детски радовался, что его забыли от Витьки. Стал работать один и каждый день выполнял по полторы нормы. Но вскоре случилась беда — «Белка» заболела ящуром и ее отвели в карантин. Парень говорил о ней с тоской и не хотел заменять ее никакой другой коровой.

— Лучше «Белки» нет...

Каждый день он навещал больную корову в карантине и в подарок приносил ей овса.

Когда «Белка» выздоровела, он прыгал от радости и всем говорил, что он из своей пары коров вывезет груза больше, чем вывозят на вороном жеребце «Сибиряке».

Телега остановилась неподалеку от амбара, из нее выпрыгнул маленький паренек со вздутым носом, широким, вразвалку — хозяйским шагом подошел к коровам. Освободив от ярма, он отвел их к колоде, положил в нее запаренный соломы и направился в столовую. Поужинав, он лег на маты и вскоре заснул. Но не прошло и полчаса, как он был разбужен чьей-то рукой, потягивавшей его за плечо.

— Шура! Шура, проснись!

Он открыл глаза. Перед ним стояла невысокая девушка с завитыми волосами.

— Шура, ты сегодня не дежурить? — спросила она. — Комсомольцы все дежурили, ночь не спали, сейчас свалились.

как убитые: никого не могли поднять. А самой мне надо в деревню.

Протирая заспанные глаза кулаками, Шура кивнул головой:

— Подежурю.

Он пошел к конюшням, а его там встретили смехом:

— О, сегодня «Самый большой» помогать нам пришел!

И снисходительно посоветовали:

— Шел бы, Шура, спать. Ведь ты не комсомолец...

— А вы почему знаете, может уже комсомолец, — ответил парень с достоинством.

Всю ночь он помогал конюшням резать солому для запарки и, главное, следил, чтобы у всех лошадей и коров было достаточно корму.

А утром он, как всегда, первым запряг в ярмо «Белку» с «Крысой» и поехал возить семена к двум тракторным селкам, работавшим на паровом клину. Весь день он один обеспечивал их семенами. Да еще на обратной дороге всякий раз собирал с соседнего поля деревянные пилы, которыми задерживали снег, и по пути отвозил их на полевую стан.

Вечером Рая Денисова спросила парня:

— Устал, Шура?

— Ничего... Маленько устал.

— А знаешь, сколько ты заработал сегодня? На вывозе зерна два с половиной трудодня да на вывозе пил — трудодень.

Тут же она сообщила ему:

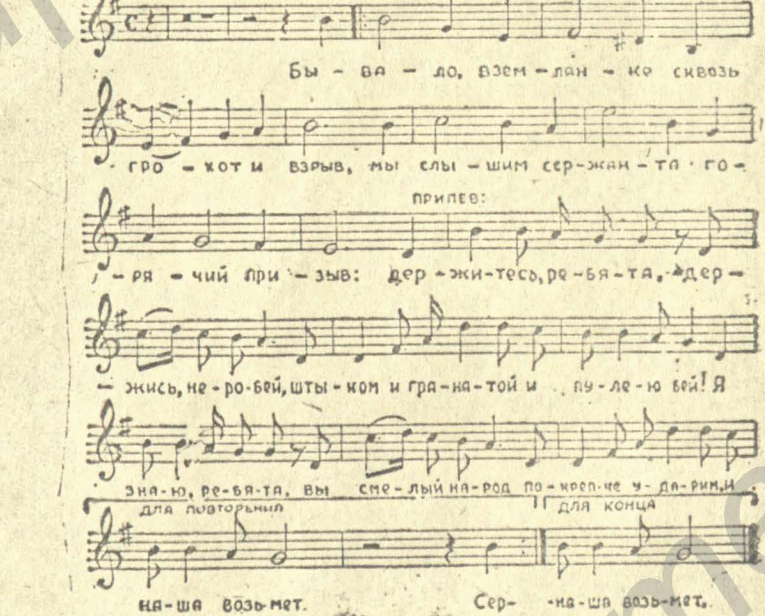
— На следующем собрании будем принимать тебя в комсомол.

А. КОПТЕЛОВ.

Колхоз «Политотделец».

СЕРЖАНТ

Слово Тайца муз. М. Сидорова

Бывало, в землянке
Сквозь грохот и взрыв
Мы слышим сержанта
Горячий призыв:

ПРИПЕВ: Держитесь, ребята,
Держись не робей,
Штыком и гранатой
И пулю бей.
Я знаю, ребята,
Вы — смелый народ,
Покрепче ударим
И наша возьмет.

Сержанта в наступлении
С нами пошел

И в бой отделение
С песней повел.

ПРИПЕВ.
Атака шла злая,
И вдруг он упал
И кровь унимая,
Упрямо шептал.

ПРИПЕВ.
Его схоронили,
Цветами прикрыв,
Но в бой пренесли мы
Сержанта призыв.

ПРИПЕВ.

Люди, прославившие наш край

Летчик
Александр ПОКРЫШКИН

Знаменитый летчик Александр Покрышкин в юности работал слесарем на одном из заводов Новосибирска. С первых же дней Отечественной войны он участвует в воздушных боях. Свою боевую жизнь он начал с разведки. Затем он стал полить отряды изобретателей и никогда почти не сражался с врагом численно больше, чем он отряда и всегда выходя победителем.

В один из первых боев его пятерка встретилась с 18 бомбардировщиками немцев. Пять фашистских машин было немедленно сбито, остальные разлетелись.

Гвардии майор Александр Иванович Покрышкин по праву считается асом Советского Союза. Он не знал ни одного поражения в боях. Лишь сам он сбил в боях свыше 40 машин противника.

Был случай, когда его группа истребителей вступила в бой с 50 пражскими самолетами. Покрышкин превратил в стой оппортунистических самолетов и сбил три машины. Так же действовали и его товарищи. Фашистские летчики начали разлетаться, а наши летчики добивали их по одному.

Дважды Герой Советского Союза, гвардии майор А. И. Покрышкин награжден американским правительством медалью «За боевые заслуги».

В ближайшее время в Новосибирске будет поставлен бюст нашего знаменитого земляка — дважды Героя Советского Союза Александра Ивановича Покрышкина.

Машинист
Николай ЛУНИН

Познать свою машину, изведать все ее возможности, раскрыть все ее секреты и на основе этого глубокого, всестороннего знания взять от нее все, что она может дать, — вот что слепящий машинист депо Новосибирска Николай Лунин.

Созданный Луниным метод обслуживания паровоза дал возможность вдвое, а в некоторых случаях и втрое удлинить период межремонтного пробега паровоза. Метод Лунина совершил переворот в технике обслуживания паровозов и завоевал его автору, сибирскому машинисту, звание лауреата Сталинской премии.

Слава Лунина прошла по всей стране, он стал родоначальником лунинского метода обслуживания паровозов. Тысячи лунинцев экономят в дни войны десятки тысяч тонн топлива, без задержек доставляют фронт вооружения и боеприпасы.

Сам Николай Лунин за время войны проехал 450 маришут с углем, металлом, лесом, вооружением. Патриот своей родины, Лунин на собственные средства закупил шпелю угля и доставил свой поездок героическому Сталинграду.

Недавно Правительство присвоило Николаю Лунину звание Героя Социалистического Труда.

Сибирь в трудовом наступлении

НОВОСИБИРСК СРАЖАЕТСЯ

Каждый свой трудовой день город начинает под звонкие гудки. И грозен для врага этот переклад гудков. Здесь, в глубине страны, на берегу многоводной Оби создана и работает крепость страны огромной, несокрушимой силы.

С первого же дня войны Новосибирск всю свою огромную индустриальную мощь, созданную и накопленную в годы Сталинских пятилеток, переключил с производства «мирной» продукции на производство вооружения и боеприпасов для Красной Армии.

За месяцы войны он воздвиг десятки новых заводов. В городе появилась такая отрасль производства, как электромашиностроение, которой в Сибири никогда не было. Новосибирск принял в свои кварталы и разместил в лучших домах и в заводских корпусах предприятия, эвакуированные из прифронтовой полосы. Он дал этим предприятиям рабочих, смонтировал их оборудование и пустил в ход.

На улицах Новосибирска и на его окраинах поднялись заново к небу десятки новых заводских труб. В городе безмолвно шумят станки, изготовляющие почти все, что нужно для фронта. Город выпускает на миллионы рублей боеприпасов, инструментов, электротехнических приборов, деталей к оборонным заводам. Его заводы-гиганты — Сибмашстрой и завод имени Чкалова — за время войны увеличили выпуск продукции в шесть раз. В 1943 году все промышленные предприятия города полностью выполнили планы производства боевой продукции для фронта. Шестьдесят три тысячи стахановцев внесли в фонд обороны выработанную ими продукцию сверх плана.

Не настало время называть цифры нашего военного производства, но они колоссальны.

В декабре 1943 года Новосибирску исполнилось пятьдесят лет. Юбилей свой он встретил в строю, как крепость, сосредоточенный и полнокровный. Он чувствует, как поны, во всех боях, которые ведет наша доблестная Красная Армия.

«НЕ ЖАЛЕЙТЕ СНАРЯДОВ — МЕТАЛЛ БУДЕТ»

Война требует много металла. Войдут не только артиллерия, вооруженная металлургическими заводами, американский военный обозначатель М. Вернер в своей последней книге назвал борьбу Магнитогорска с предприятиями европейского континента, находящегося под господством Гитлера, «драматической борьбой». В этой драматической борьбе Магнитка сражалась рука об руку с сибирским гигантом металлургии — Кузнецким заводом. И они победили.

С первого же дня войны Кузнецкий завод получил задание производить новые марки стали, новые виды проката. И коллектив завода стал бороться за выполнение заказов Комитета Обороны, как за фронтовые задания. Он заверил фронтовиков:

— Не жалейте снарядов — металл будет!

И обещание свое выполнил.

Домашники Кузнецка достигли в 1943 году наивысшего в стране коэффициента использования полезного объема домнных печей. К 14 декабря они выполнили годовую план. В новый год домнных их вступил, имея на своем счету семидесят восемь тысяч тонн чугуна сверх государственного плана.

Сталинград в 1943 году на семьдесят тысяч тонн стал больше, чем в предыдущем году. Прокатники на семидесят тысяч тонн больше проката. Коксохимки — на пятьсот тысяч тонн больше кокса.

Сибирские металлурги намного подняли выпуск высших сортов стали и проката, в три с половиной раза увеличили выпуск ферросплавов по сравнению с прошлым годом.

Никогда, даже в мирное время, не работал так ритмично, так ровно и уверенно Кузнецкий металлургический комбинат. И он снова заверяет фронтовиков:

«Не жалейте снарядов — металл был и будет!»

НА АЛТАЕ ПОСТРОЕН ТРАКТОРНЫЙ ЗАВОД

Строительство закончили в августе. Месечев назад. Строители закончили доблестные успехи Красной Армии. В дни, когда наши дивизии перешли в контрнаступление в районе Курского выступа, на Алтае заканчивались фундаменты первых цехов. А когда Красная Армия форсировала Днепр, на Алтае уже выпускались первые тракторы с новой маркой — «АТЗ». Сейчас, когда Москва салютует в честь освобождения древнего Новгорода, на голубом Алтае сидит с конвейера тысячный трактор. Мирный гудок работ нашего тыла слился с непревзойденным гулом боя.

Строители Алтайского тракторного завода получили от товарища Сталина радостную телеграмму — приветствие и поздравление «с большой производственной победой — пуском нового тракторного завода». «Своей напряженной работой», — пишет тов. Сталин, — вы создали в короткий срок в трудных условиях военного времени первый завод по выпуску тракторов для сельского хозяйства и нужд Красной Армии. Родина и наша славная Красная Армия высоко ценят вашу самоотверженную работу и поощряют вас к дальнейшему разгрому немецких захватчиков.

В ЗАБОЯХ КУЗБАССА

Забой Кузбасса живут как дзюды: в них ни на минуту не прекращается характерный треск отбойных молотков и врубовых машин. Из-под земли вырываются на эстакадах вагоны и электропоезда, нагруженные доверху углем, и на рудниках ежедневно вырастают целые горы черного золота. Из Кузбасса нескончаемым потоком идут поезда-углики на запад...

Когда временно был потерян Донбасс, наш Кузнецкий бассейн взял на свои плечи обязательство восполнить эту тяжелую потерю. За двух-трех трюх стали работать лучшие кубасские горняки. Забойщики шахт 2-3-бис треста Сталинского Илья Голубовы выполняли норму выработки на двести-триста процентов, забойщики шахты имени Сталина Старченко — на двести пятьдесят — триста процентов.

Кузбасс в целом для страны в 1943 году на 4 миллиона тонн угля больше, чем в 1942 году. На тридцать три процента повысилась добыча коксующихся углей.

Сибирский уголь плавит в домнных печах страны чугун, водит бронепоезда на фронт, охраняет заповедники, движет станки на оборонных заводах. В 1944 году добыча его еще больше возрастет. Горняки дали слово товарищу Сталину увеличить добычу угля в сравнении с 1943 годом на два миллиона двести тысяч тонн.

Идем мы снова на врага, Чтоб мы один тевтон не спасли! Пусть знает «северная раса» Каков бывает жар Кузбасса, Каких сынов родит тайга!

СИБИРСКИЕ ФЕРРОСПЛАВЫ

31 декабря 1943 г. закончена строительство последнего, 5-я печь Кузнецкого завода ферросплавов, завершено строительство крупного завода качественной металлургии в Сибири. Товарищ Сталин поздравил строителей и металлургов с пуском пятой печи и окончанием строительства завода. «Своей напряженной работой», — говорится в телеграмме тов. Сталина, — вы обеспечили в короткий срок строительство завода и тем самым значительно увеличили мощность по производству ферросплавов — важнейшего стратегического сырья для военной промышленности.

Кузнецкий ферросплавный завод по конструкции агрегатов и оснащению оборудования является одним из наиболее совершенных предприятий ферросплавной промышленности. Его строительство велось комплексно, это давало возможность быстро ввести в действие мощностные заводы. Головной план 1943 года ферросплавный завод выполнил досрочно.

СКВОЗЬ ПУРГУ И СТЕПНЫЕ БУРАНЫ

Пересекать безбрежные пространства Сибири, день и ночь идти вперед, на запад. Машинисты спешат по пути на фронт вооружения, боеприпасов, продовольствия. Им не мешают ни морозы, ни пурга, ни степные бураны.

«В декабрьские морозы, когда в степи кружилась метель и глаза резал острый ветер, я со своей бригадой шел поезд весом в 3.100 тонн», — пишет другам на фронт машинист Роженико. — Было трудно, но я помнил о клятве, данной товарищу Сталину. Я обещал свою службу, как верный сын родины, как боец на фронте. И я свое слово сдержал — состав был доставлен на 40 минут раньше срока».

Только за двадцать дней декабря Роженико внес в сталинский фонд победы 6.170 рублей.

Декабрьские бураны не останавливали машин в пути. Командиры их вели поезда на больших скоростях. По всей магистрали — от больших городов до полустепей и блокпостов — всюду шла напряженная борьба с разбушевавшейся стихией. Тысячи людей берегли линию железной дороги от натиска снега.

Новогоднюю ночь железнодорожники Томской встретили новыми победами. Паровоз прославленного зачинателя движения новаторов на транспорте Николая Лунина, Героя Социалистического Труда, отправился в новый рейс. Его локомотив мчался третью тысячу километров без захода на ремонт в депо. Старик Воронов, участник боев 1905 года, вместе с другими пенсинарами вернулся в депо и стал к станку. Он работал в депо 37 лет. Его продукция не уступает в вагонам самого большого лунинского тяжеловесного поезда. Юный богатырь армии железнодорожников, представитель молодого племени стахановцев-коксомольцев Петр Суриков в депо станции Усть-Каменогорск за смену 13 норм. В его бригаде все тридцать человек — трехсотники.

Вагонники Новосибирского депо во главе с мастером Якимовым отремонтировали вагон за 2 часа 25 минут при норме 72 часа.

В новогоднюю ночь на паровозе машиниста Роженико зажглась шестая красная звезда сверхотличного боевого маршрута.

Поезда идут сквозь пургу и степные бураны. Их ничто не останавливает. Они спешат к фронту.

Железнодорожники Томской за досрочное выполнение государственного задания по перевозкам удостоены переходящего знамени НКПС. Коллектив станции Искей — ворот Кузбасса — получил знамя Государственного Комитета Обороны.

ВСТРЕТИМ ВЕСНУ ВО-ВСЕОРУЖИИ

Техника решает успех войны не только на полях сражений. Техника на полях колхозов и совхозов так же могущественна.

Глубокой зимой началась в нашей области подготовка к весне. План четвертого квартала по ремонту тракторов был выполнен. Новосибирская область получила переходящее красное знамя Комитета Обороны.

Машино-тракторные станции: Кокрекская, Ювалинская, Уланская, Еланская, Горевская, Кандинская и Новая в полтора-два раза перевыполнили декабрьский план.

Отлично, самоотверженно работала на ремонте тракторов молодежь. Почетное звание фронтовых бригад присвоено 18 молодым бригадам ремонтников. В их числе комсомольская бригада Лукьяновой — Зоринской МТС, Митраковой — на Татарской, Липинской — на Тугунинской, Севастьяновой — Чинского ремонтного завода.

Бригада Василия Гусенина, Египетской МТС, названа именем Героя Советского Союза, товарища Валиева. В борьбе за урожай включились и сельские кузницы и крупнейшие оборонные предприятия области.

Завод имени Чкалова, наряду с той важной оборонной продукцией, которую он поставил на фронт, в декабре изготовил 6.200 запасных частей к сельскохозяйственным машинам. В январе чкаловцы увеличили выпуск запасных частей вчетверо и за две декады января программу выполнили на 76 процентов.

Получение переходящего красного знамени Комитета Обороны, удостоило людей.

— Сделаем все, что нужно для урожая, — говорят они, вставая на фронтовые вахты, берут обязательства досрочно и высококачественно закончить годовую план ремонта сельскохозяйственных машин, встретить третью военную весну во-всеоружии.

ГОРЯЧИЕ СЕРДЦА ПОКОРЯЮТ ЛЕДЯНУЮ ТУНДРУ

От Уральского хребта до Чукотки раскинулась безбрежная равнина тундры. Когда-то здесь проходили первотропные пути великих сибирских земель, селились русские и индейцы. Владыки сибирских земель Ледяного океана по указу Петра I, проложив первую северную экспедицию Беринга и его спутников — Чернышова и Чернышова, оставили в тундре свои следы.

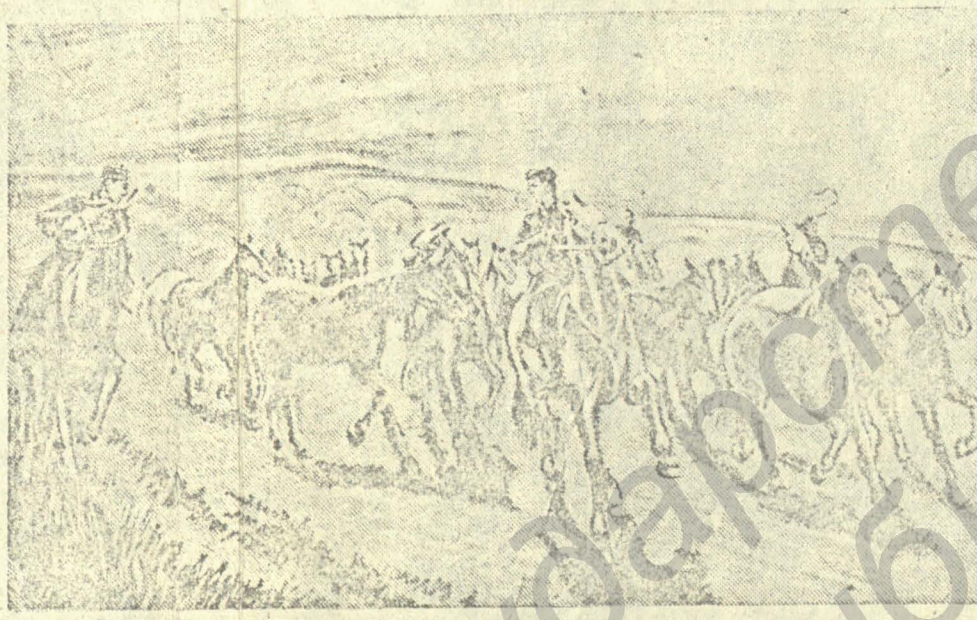
Лето на севере быстролетно, как птица. Только в июле тундра освобождается от снега, а в августе уже ложатся новые пороши. Люди круглый год не снимают ватников и меховых шапок. Дети о садах и деревьях знают только по книжкам. Но нет в советской стране недостатка в плодах сельского хозяйства и твердой воли. Советское Заполярье отдаленное, гигантские пространства — селения редкие, живут там же творческие напряжениям трудом, что и весь советский народ.

В полярной ночи ярко сияют огни Норильска, молодого советского города у подножья Таймырского хребта. Стучат топоры плотников, растет теплоэлектростанция второй очереди. Дни и ночи горят ледяной лютетой металл на заводах металлургического комбината, и душными садами в мире железной дороги в пургу, а метель влечет поезда с металлом, рудой и углем к портам Ледяного океана.

Шахтеры, металлурги, строители рудников и заводов, угольных штолен на трогах Саян, в Колыме, на Таймыре работают на фронте.

Планируя победы бита Красной Армии вдохновляет людей Севера на самоотверженный труд. Бригады рыбаков и охотников идут в ледяные просторы рек, озер и бухт. Тяжел и суров их труд. И все же бригады, получающие радостные вести о боевых успехах Красной Армии, решают делать не шесть, а семь тонов.

Добрая народная молва с быстротой птицы несет по стоянкам, факториям, городам и портам Заполярья вести о победах родной армии и вести об успехах трудящихся Севера. Горячие сердца покоряют ледяные просторы тундры.

«Кони-фронт»
Картина И. И. Тютикова.

БОГАТЫРИ ТАЙГИ

Суровой стеной тайга сибирская тайга. Хмурые урны подавляют мощью и гордой тишиной.

Сегодня вековая тайга стала линией трудового фронта. Сотни тысяч топорозавоевателей в столах корабельных сосен. Десятки тысяч пил режут столетние лиственницы. Оби, Енисей и Ангара стали великими водными магистральями, по которым идет лес фронту, военной промышленности, возрождающемуся Донбассу, героическим городам — Сталинграду, Харькову, Киеву, Воронежу.

Необычайно питаются сталинских воскресников, проведенных в лесах Алтая. Они начались в грозные дни биты за Сталинград. Люди сел и деревень Алтая отправили в лес 87-тысячную армию лесорубов. Эти заготовили и вывели свыше 75 тысяч кубометров древесины, наполнили его тысячу шпал. Этих шпал достаточно, чтобы уложить 60 километров железнодорожного пути.

12 декабря в Сибири бушевал буря. В этот день рабочие, служащие и домохозяйки лесных поселков Озерского леспромхоза, колхозники окрестных деревень и железнодорожники ближайших к лесу станций провели шестидневный воскресник. И эшелоны лесоматериалов — 270 вагонов — поехали как дар благодарности сердцу, транспорту — родному брату Красной Армии.

Горячий пламень соревнования усилят силы бойцов трудового фронта. Наступление Красной Армии, сокращающей полчища фашистов, породило лесорубов-тысячников, полчища богатырей тайги.

В Нарымском округе лесорубы В. Мельников, Н. Багачев, И. Рудой, В. Денисов и Кузема Порфиренко выполнили 12 норм в день. Д. Федоров и А. Горюнов — по 10 норм. В глубокой Саянской тайге горняки взяли обязательство добыть 1000 кубометров леса. И обязательство выполнили. Весь участок выполнил план лесозаготовок на 150 процентов.

Богатырей Нарым дал стране 800 тысяч кубометров древесины. Коллектив Морочинского завода на 20 дней раньше срока закончил годовую программу заготовки перекладных красных знамен Государственного Комитета Обороны.

Новый годовой план Нарымский округ обязался выполнить к 5 декабря 1944 г., производительность труда на лесозаготовках повысить на 30 процентов. Это — клятвы паричан, данная товарищу Сталину. Богатыри тайги свою клятву сдержат.

КОЛХОЗ ОБЕСПЕЧИВАЕТ ХЛЕБОМ ЦЕЛЫЙ ПОЛК

Помогать армии в ее сокращающемся наступлении. Обеспечить бойцов и офицеров всеми продуктами питания. Обеспечить сотни, тысячи человек. Такую задачу поставил перед собой колхоз «Советский путь», Алтайского края.

Над выполнением этой задачи самоотверженно работали женщины, старики и подростки. Упорная борьба за хлеб, за высокий военный урожай разгоралась на полях с первых весенних дней. Посев колхоз закончил в районе. Закончил до срока. Уборка хлеба проведена быстро и дружно. Елена Склиарова в Парасковий Горюхи по 18-20 часов не сходили с лобовей. Тринадцатилетний Дмитрий Фомин стал передовым и знаменитым человеком колхоза. Прославивший комбайнер-односекон Г. С. Перебийнос сеном двух «Сталинцев» убирал по 60-70 гектаров в день. 25 сентября колхоз праздновал победу — в этот день досрочно был выполнен государственный план хлебозадачи. Куйбышевцы сдали хлеба столько, что этим хлебом можно прокормить пехотный полк в течение девяти месяцев.

Растет в колхозе молочно-товарная ферма. Увеличиваются угодья коров. Молока больше, славно государству столько, что масла, приготовленного из него, хватит на целый пехотный полк в течение двух месяцев — по 25 граммов в день на каждого офицера и солдата.

Весь взвод колхоз одет теплыми вещами. На строительство танковой колонны колхоз внес полтора миллиона рублей.

МАСТЕРА ВЫСОКИХ УРОЖАЕВ

Год для сельского хозяйства был трудный. Зима была бесснежной, весной гуляла суховей. Земля стала сухой, как древесный уголь.

Но, несмотря на эти трудности, колхозники сельхозартеля «Подитогорский», Новосибирского района, вырастили высокий урожай. Помогли им: снегозадержание, удобрение земли, хорошая обработка, ранний и быстрый сев.

Колхозники и колхозницы работали от зари до зари, а иногда и ночи прихватывали, работали дружно. Хлеб они убрали в обмолотили еще в сентябре и одними из первых в области выполнили хлебозадачу. После этого они севе плана организовали несколько красных озер. К 25-летнему комсомола — 600 пудов, к Октябрьской годовщине — 300 пудов.

На трудоемкой колхозники получили 1 килограмм 700 граммов, без вычета аванса, полученных в течение лета печеным хлебом в полевой столовой. Большое количество хлеба колхозники продали государству в порядке хлебозакупки. На отоваривание закупленного хлеба потребкооперация привезла в колхоз разных товаров на сорок тысяч рублей — одежку, шель, шерстяные ткани и т. д.

Сейчас колхоз заканчивает подготовку к весеннему севу. Семена на всю посевную площадь отсортированы. Ремонт инвентаря заканчивается.

Поля нынче покрыты ровным и толстым слоем снега. К тому же колхозники еще проводят снегозадержание. Это гарантирует высокий урожай в новом году.

НА ПРОСТОРАХ ОБИ-МАТУШКИ

Недавно выехали в Москву паричане Андрей Сидорович Сукушин из Каргасковского района, Харитина Петровна Трифонова из Колпашевского района, Николай Лаврентьевич Кришенин из Александровского района, Николай Дмитриевич Ижучкин из Тынского района и многие другие. Они ехали на лошади, телеги на самолетах, мчались на поездах. Они везли в Москву тов. Сталину радостную весть — за годы войны Нарым, помогая фронту, увеличил вылов рыбы почти в три раза. У нарымских рыбаков сложилась новая пословица: «Чем больше рыбы добудешь, тем быстрее фашистов погубишь». Этой пословице следовали все рыбаки Нарыма. Знавшие добытки рыбы, стахановцы обских просторов, учили подростков и женщин, где и как добывать максуна, осетра, нельму.

Когда рыбаки из колхоза имени Сталина, Каргасковского района, уходили на фронт, они оставляли низку Андрею Федоровичу Сукушину:

— Ну, Андрей, ты остаешься в колхозе, научи нашу молодежь рыбачить.

Сукушин выполнил этот наказ — 12 девушек научил обтачивать самодельные удочки, ставить сети и мелкие лесушки. Сам он брал обязательство за год добыть 60 центнеров. К августу свое обязательство перевыполнил в два раза.

Не отстают от Сукушина и другие рыбаки Нарыма. Так, зявено В. А. Фатеева, отца четырех сыновей-фронтовиков, за 8 дней выловило фтилями пять с половиной центнеров. Бригадир рыболовецкой бригады Дергунов выловил 47 центнеров, рыбак Золотин — 54 центнера.

Многочисленные рыбозаводы Нарыма приготовили для фронта большое количество балыков, колбас, рыбы, рыбной крупы и рыбной муки.

Рыба фронту отправляется на Нарыма красными обозами. В Каргасковском районе уже стало традицией первый красный обоз с рыбой отправлять в день Сталинской Конституции. Нынче 5 декабря из Каргаска отправился красный обоз с высокоортной рыбой в 50 подлод. На следующий день вышел второй обоз.

ПУШНЫЕ СОКРОВИЩА

В ночь под новый год нарымский охотник Николай Выходцев сдал на государственный заготовительный пункт новую партию пушники. Когда в конторе подсчитали количество зверя, оказалось, что он в четыре раза перевыполнил годовую план.

В тот же вечер Николай Выходцев написал в газету: «Я — охотник и мое участие в разгроме врага — удачная охота на пушного зверя. Обещаю перевыполнить план в 1944 году в пять раз».

Успешно идет охота в лесах и степях Сибири. На берегах озер Нарыма и Барабы идет массовый охотничий промысел на ондатру, обладательницу хорошего меха. Ондатра была завезена в Западную Сибирь во время летнего наезда на Северную Америку. Она быстро размножилась и еще больше увеличена пушные сокровища Сибири. Барабинский охотник Селезнев в день добыл до двух десятков зверька. Охотник Борисов за два месяца сдал государству больше тысячи шкур ондатры.

В тайге идет охота на белку, на соболя, на горностая, на лиса. В Нарымской тайге среди самых лучших охотников считается званым двенадцатилетним Ангасея Лихачева. Свой план 1943 года она выполнила на 180 процентов к 25 ноября.

Сибирь всегда славилась пышными богатствами, ее называли страной с горнистым мехом. И Сибирь, ее родные сны пышные сокровища. Только охотники-сибирские охотники дали стране в 1943 году почти на два миллиона рублей пушники.

Люди, прославившие наш край

Колхозница
Анна ЮТКИНА

1.375 центнеров с гектара — таков урожай картофеля, взятый нынче, в военный год, знающий званью колхоза «Красный Лесокот», односекон Анной Кошарьевной Юткиной. Еще в 1939 году она добилась урожая в 1.217 центнеров. До того времени самый высокий урожай картофеля был получен в Америке — 1.180 центнеров с гектара. А. К. Юткина обогнала Америку.

Красная Армия изгоняет с советской земли поганую немцуру. Земля, которая дает народу такие обильные плоды, земля, на которой работают наши чудесные колхозники, никогда не была и не будет немой!

Смелая, пытливая мысль, любовь к родной земле, преданность Советской Родине, трудолюбие — вывелили скромную колхозницу Юткину в ряды крупнейших новаторов сельского хозяйства.

Пример Юткиной оказал влияние на повышение урожайности картофеля не только во всех окрестных районах, но и далеко за пределами области, далеко за пределами Сибири.

За время Отечественной войны Анна Кошарьевна Юткина награждена орденом Ленина. Ей и ее зыну присуждена Сталинская премия.

Профессор
Н. А. ЧИНАКАЛ

Непрерывным потоком сыплется уголь из бункеров в вагоны. Это работает «угольный комбайн» — пил, изобретенный в Кузбассе нашим земляком проф. Н. А. Чинакалом. Шит Чинакала помог Кузбассу увеличить выработку угля.

Любая система разработки мощных угольных пластов приводит к тому, что более половины угля остается в шахте. Шит Н. А. Чинакала, чрезвычайно повышая производительность труда, в то же время в четыре раза уменьшает потерю угля.

Велика заслуга проф. Н. А. Чинакала. В тяжелые годы жестокой борьбы с немецкими захватчиками его изобретение помогло обеспечить углем наши заводы, транспорт, наши боевые корабли.

Приятельство высоко оценило заслуги проф. Чинакала, присудив ему Сталинскую премию.

9859 осс

Кондр. УРМАНОВ

Рассказ

В просторной избе полевого стана дружной семьей за столом сидели девушки. В жаром пышущей плите потрескивали сухие ветки тальника, на стене горела маленькая керосиновая лампа и для мирной картины зимних «посиделок» не хватало только самоприх, жужжания веретен да проголосной девичьей песни.

Девушки молчали, склонившись на плечо друг к другу, молчали и слушали, как завывала, как пела свой злые песни за стенами избушки разбушевавшаяся пурга. Порывы ветра с неимоверной силой швыряли в единственное окошко снежную пыль; однообразно и тоскиво поскрипывал колодезный журавец, а у двери, казалось, кто-то топчется и пыхтел, не смея открыть ее и переступить через порог.

Теперь бы песни петь под шум и свист пурги или рассказывать длинные сказки, длиннее, чем сама сибирская зима... Но девушки молчали. Они сегодня долго и упорно рабствовали на установке щитов для задержания снега и только поднимаясь к вечеру пурга загнала их в полевою избушку, и в ней было бы совсем тихо, если бы пылающей плиты, как хозяйка дома, не сутилась звеневшая Настасья Петровна. Она всегда жалела девушек. И сегодня, как только вернулись с поля и натаскали в избушку сухого тальника, она сказала: — Теперь отдыхайте, милые, намайлись за день-то... А мне не в диковинку ужин сготовить... — словно бы она и не работала вместе с ними третий сутки и не намучилась так же, как они. — Завтра нам во что бы то ни стало кончить надо... А там домой, баньку истопим, помоемся...

Девушки, усевшись за столом, в ожидании ужина, полудремали, прислушиваясь к шуму пурги.

Настасья Петровна, готовя ужин, тоже прислушивалась:

— Ишь как злится зима-матюшка, будто напоследок, перед своей кончиной, — говорит она. — Ну да ништо — снежку боле подвалит, нам не в убыток. «Как снег на полях, так зерно в закромах»... Сыпь давай... — и вдруг перекидывалась мысленно к своим сыновьям. — Как то им там, деткам моим милым... Невесело стоять в такую погоду, супротив врагов... — и ей представлялось, как в бурю-непогоду стоят Павел и Василий на страже, вглядываются в темноту, прислушиваются к шорохам. И ночь их долгая-долгая... Вздохнув, Настасья Петровна посылает проклятья на головы врагов.

И словно подслушав ее сговора, полные материнской справедливой ненависти, налетел на избушку злой порывистый ветер, зашумел, застучал оторванной доской на крыше, швырнул охапкой колючего снега в застывшее окошко и, будто задохнувшись от быстрой, злится, чтобы через минуту по-новому начать свою злую игру...

На плите завершал в консервной банке поджариваемый со свиным салом лук и приятный запах наполнил избушку. Девушки задвигались. Настасья Петровна заметила:

— Есть захотели, мои милые... Сейчас, сейчас. Похлебка уже готова, лучок вот поджарится да и ужинать...

А за ужином Настасья Петровна снова заговорила о погоде.

— Совсем расвирипела погодушка... — нарезал большими ломтями белый хлеб, проговорила она, — лихо тому человеку, которого застанет в поле такая падежа... А все-таки жалко, что не успели щиты на гриве расставить, — сколько бы снегу задержалось за ночь...

— К утру, может, стихнет, тогда и расставим, — торопливо работая ложкой, отозвалась Маруся Кротова, круглолицая, с маленьким носиком, девушка, не любившая зимнюю работу в поле.

— А тогда зачем же щиты ставить, когда снега не будет? — возразила Настасья Петровна. — Снежок-то, курносая, не каждый день идет... Вот мы прошлую зиму поработали хорошо — у нас на столе и похлебка с бараниной, и сало в мешке, и хлеб белый... А это боялся буранов — картошку с капусткой ест... Много таких. «Как потопашь, говорят, так и полопашь»... и, помолчав, добавила: — Нам бы эту ночь повоевать с бураном... как на фронте... Поужинать да и за щиты бы...

Девушки как-то разом положили лож-

ки на стол и, глядя в упор на Настасью Петровну, почти в один голос заявили:

— Мы еще с ума не сошли...

— За погибелю только итти, в такую погоду — басовито отозвалась Клэня Зубцова, самая здоровая из девушек, а Дуся Фролова, прозванная за малый рост «маломеркой», добавила:

— Добрый хозяин свою собаку не гонит со двора в такую падежу...

И уже совсем отдельно, словно утверждая слова подруг, сказала Маруся Кротова:

— К утру-то, Петровна, мы сами будем валяться в поле вместо щитов.

Настасья Петровна положила ложку на стол:

— Да што вы все на меня! Я ведь не гоню вас, а только сказала: хорошо бы, мол, так сделать... А в падежу, оно, конечно, не легко работать — что и говорить... Только, девушки мои милые, послушайте меня старую: в нашем деле асегда так: день упустить — год каешься... А теперь время военное — не только о себе думать надо... — она обвела испытующим взглядом всех девушек и снова взялась за ложку.

Ешьте, давайте, а то остынет... Только Таня Шувалова не сказала ни слова. Она молча ела и, казалось, прислушивалась не к тому, о чем говорят за столом, а к завыванию бури и мыслями своими была далеко от полевой избушки. Настасья Петровна заметила это.

— А ты что же, Танюша, не скажешь ни слова?

— А?... Что?... — недоуменно спросила та, не зная, что отвечать, и вдруг раскраснелась, словно ее застали за каким-то нехорошим, стыдным делом.

— Не троньте ее. Она торопится покушать, чтобы итти после ужина щиты расставлять, — пошутила Маруся Кротова, подморгнув подругам.

— А ты бы уж, курносая, молчала. Тоже со своими шильками лезет! — оборвала ее Настасья Петровна. — Ты ведь нос свой боишься обморозить, — кавалеры, дескать, любить не будут. Пустая забота!.. У тебя и морозу-то зацепиться не за что. За работой разве мерзнут? Конечно, если сидеть сложа ручки, так и в избе к утру сухарем станешь...

Девушки смолкли — о чем, дескать, разговаривать? Кто же в такую пургу пойдет работать в поле? — и дружнее заработали ложками.

— На фронте, девушки, не глядят на погоду, — помолчав, сказала Настасья Петровна. — Дан приказ — надо итти, хоть разбурян тут будь. Если немцам страшна наша русская зима, так и нашим воинам она не сладка. Не сладка, милые, да делать нечего, надо итти, выбивать проклятых врагов с родной земли. Так-то...

После ужина Настасья Петровна подбросила дров в плиту и, придвинув скамейку, села у раскрытой двери. Она любила костер. Яркое пламя в печи чем-то напоминало летнюю ночь в поле. Может быть, она вспоминала одну из ночей у костра и своих сыновей. Все это будто ушло сейчас в далекое прошлое. Она накиннула платок на плечи и задумалась. Что-то страдальческое было в ее фигуре, и девушки, забыв о сне, одна за другой присаживались к ней на скамейку, словно старались своей близостью отвлечь звеневшую от тяжелых мыслей. И когда они стихли, прижавшись друг к другу, еще яростней завывала буря за стенками избушки, будто хотела сорвать ее с места, расшвырять по бревнышку по широкому полю и похоронить до утра в глубоких снегах.

Глядя на шумящее пламя и слушая рев пурги, Настасья Петровна вспоминала о письме, полученном от Василия на этой неделе.

— Танюша, ты, кажется, самая остроглазая у нас, — обратилась она к девушке, доставая из нагрудного кармана письмо, — почитай, милуша, еще раз письмо от Васи. Давала школьникам читать, а они только — мык-мык — ничего не разберешь.

Таня сняла со стены лампу и, усевшись рядом с Настасьей Петровной, начала читать.

Письмо было наполнено событиями суровых боевых походов и той нежностью к матери, на которую бывают скупы сыновья в обыденной жизни.

Письмо было длинное. Василий вспо-

минал отца, погибшего в колчаковщину, вспоминал свое детство и тяжесть забот, которая легла на материнские плечи.

Василий писал, как он шел со своей ротой в ночь, в пургу, сквозь фантастические вспышки огня, как он падал от напора свирепого ветра, как бросало его разрывной волной, но он поднимался невредимый и, поправив заплетенный мешок, шел вперед с товарищами. И опять снег, мятущиеся тени в мгновениях ответа огня и грозовой непрерывный рокот над полем боя...

— Когда рассветало, — заканчивал письмо Василий, — врагов поблизости не оказалось. Много их было уничтожено нашим огнем и похоронено пургой. Перед нами было чистое поле да обломки их орудий и танков... Невдалеке горела деревня. Мы вошли в нее. От деревушки почти ничего не осталось. Одна только избушка была цела. В ней на деревянной кровати сидела седая старуха и прижимала к себе шестерых маленьких детей.

— Смертушки я своей дожидалась — не пришла, — сказала она простуженным голосом. — Ну, что ж, видно не пора. Для этих вот жить надо, — она указала на ребят, — у них не осталось ни отцов, ни матерей, ни куска хлеба... Стащили их немцы ко мне в хату, спалить, видно, хотели, — не загорелась...

Мы дали ребятам хлеба, консервов, сахару. Мама, как они ели! Маленькие, дрожат, мешают со слезами наш хлеб и торопятся, торопятся... А бойцы, молча, сжав зубы, смотрели на них...

Таня дочитала письмо и подала его Настасье Петровне. Девушки сидели в глубоком раздумьи, не слыша ни шума, ни рева пурги.

— Вот так-то, мои милые, на фронте, — тихо проговорила Настасья Петровна, — тихо проговорила Настасья Петровна, — Да, нет, не так... Это самим видеть надо, только тогда, может, дойдет до сердца... Ну, что ж, ночь будем коротать? — спросила она, поднимаясь и утирая глаза кончиками черного платка.

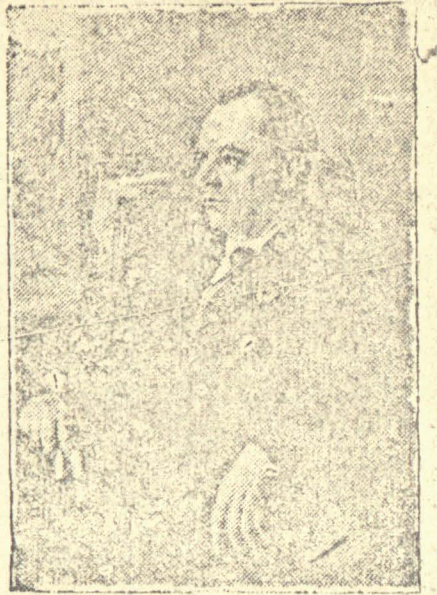
Девушки не ответили. Наконец, Таня встала, взяла с нар полшубок и легкого накиннула его на плечи. Девушки переглянулись и одна за другой начали одеваться, повязывая платки.

С приближением рассвета начала затихать пурга, и звено спокойно закончило расстановку последних щитов.

Настасья Петровна окинула командирским оком «поле боя» и облегченно вздохнула:

— А все-таки не сломила нас пурга. Одно человека скружит, свалит, снегом засыплет, а когда нас много — шалишь! Лежать теперь этому снегу до весны. Это урожай наш, девушки. А хлебушка много надо будет, ох, много!

Девушки молчаливым табуном шли к избушке, предвкушая близкий и заслуженный отдых и горячий чай, а Настасья Петровна медленно двигалась за ними, уставая, но довольная и сине ее глаза светились мягким, добрым светом.

Народный артист РСФСР

К. С. СКОРОБОГАТОВ

Портрет работы худ. Смолина.

Илья МУХАЧЕВ

Подарки

Да, холодно в степи березам,
Пронизывают сквозняки
До самого нутра морозом...
Но, заломив воротники,
Той степью мимо тех берез —
Колхозники ведут обоз.

На всем куржак.

Седых от черных
Не отличить бород, усов...
А разговор такой просторный
Ведется около возов:

— Что... от Семена писем нету?

— Почто же нету! Почтальон

Вчера доставил... Всем приветы

Вам посылает мой Семен.

Письмо-то я оставил дома.

В нем есть приписка — две строки:

Трудиться он по фронтовому

Нас призывает, старики.

И я ему напомнил —

малый,

Коль враг набросился на Русь,

Лупи его чем ни попало,

Будь храбрым в бою, — не трусь!

— И мне, сынок-то мой, Ванюшка

В письмишке написал свое:

«Я восемь немцев взял на мушку,

Да семерых пронзил штыком...».

— А может, и наврал порядком

Тебе сынок-то, старина...

— Нет, не наврал! Вся правда-матка

В письме Ванюхином видна.

Что немцы? Так... народец кислый...

А русские — потверже скал...

Я тоже о ту войну на Висле

Потачки немцу не давал.

— Эй, братцы, бросьте спор свой

жаркий,

В пути пристало-ль спорить нам,

Везем не что-нибудь —

подарки,

И не комунибудь —

бойцам!

Вон на возах-то масло, сало,

Пшено, пшеница, рожь, овес...

...Так по равнинам, по увалам,

Скрипя полозьями, обоз

Идет — и нипочем мороз.

«Хлеб-фронту»

Эскиз Жуковой.

А. КОПТЕЛОВ

Первый пласт

В полдень от полевого стана отходит колесный трактор. Его ведет Анна Ерина, сероглазая, медлительная женщина с лицом, налитым румянцем, как спелый помидор. Она впервые едет в поле на машине, и крепкие мужские руки ее «крутят баранку» порывисто. Она не хочет, чтобы над ней смеялись: «Проехала, как пьяная прошла», и старается держаться середины дороги, но машина то одним, то другим колесом врежется в сырую землю живью, и мотор сердито рычит.

Еще прошлым летом, в первые дни Отечественной войны, правление колхоза решило послать Анну Ерину на курсы трактористов. Узнав об этом, Анна не спала всю ночь. Утром пришла к председателю:

— Не пойду я на курсы. Что хотите делайте — не пойду. Режьте на части — не пойду.

— Пойми, кроме тебя, послать некого, — сказал Тучин, решив сыграть на самолюбии женщины.

— А девок в колхозе мало? Их и посылайте. А я — мужья жена.

— Вот муж-то и обрадуется: заменила меня жена на полевой работе.

— Боюсь я машины, — продолжала отказываться Анна, но уже не тем решительным тоном, каким начала разговор.

— Машину ты полюбишь.

— Все равно не пойду, — у меня ребенок.

— Ребенок большой, со свекровкой будет оставаться.

— Она не соглашается.

— В ясли будешь носить. Ясли, сама знаешь, хорошие. Иди сегодня же на курсы, занятия уже начались.

На следующий день пришла свекровка Анны, желчная женщина с лицом серым и морщинистым, как печеная картошка. За ней покорной овечкой шла Анна.

— Петро Захарович, ослобони споху от курсов, — заговорила она, постепенно понижая голос. — Нет на то ей никакого разрешения. Не желаем мы родному детенку зла...

— А в чем дело? — заинтересовался Тучин. — Говорите прямо.

Понижая голос до шепота, Ерина потинулась губами к уху председателя:

— Сам подумай, кончит она эти курсы, будет жить в казенчике, а там один мужик да парни...

— Ну и что же?

— Дело молодое...

Щеки Тучина побавровели. Широко расставив ноги и уткнув кулаки в бока, он бросил в лицо Ериной:

— Вы — старая дура. Зачем вы женщину оскорбляете да еще при постороннем человеке? — кивнул головой в мою сторону. — Кто-нибудь хоть одно плохое слово сказал про Анну? Нет? Так что же вы языком треплетесь?

Анна стояла с низко опущенной головой и уголками платка утирала мокрые щеки. Взглянув на нее, свекровь развела руками, будто хотела поклониться ей.

— Мы на нее, слава богу, не в обиде. Да ведь вы, Петро Захарович, — повернулась снова к Тучину и заговорила убеждающе, — народ-то наш сам знает. Она-то, Анна, будто, ничем-ничего не сделает, даже ни словом, ни помyslom, а люди про нее наплетут.

— Перестаньте, мамынька... — не сдержалась Анна, сошла слеза с глаза.

— Я давно сказала: не пойду на курсы. И не пойду ни за что.

— Ну вот и добре. — Свекровка погладила ее по плечу. Анна резким толчком сбросила ее руку и пошла прочь. Старуха-пошагала за ней, приговаривая: «Так мы и в письме отпишем. Будут тебя приневоливать — пусть командеру пожалуется».

— Учите, — сказал им Тучин вслед, — менять постановления правления мы не будем.

Но через несколько дней он уехал в армию и разговор о курсах не возобновлялся до середины зимы. В январе начался новый набор, и Тучин, вернувшись в колхоз, вызвал Анну в контору.

— Надо идти на курсы... А на свекровку ты не обращай внимания, — поворачиваясь, да перестанет.

— Отделюсь я от них, — заела она меня, — сказала Анна, поднося уголок платка к глазам.

— Хорошо, квартиру тебе дадим.

— Но на курсы меня все-равно не ждите.

— Ты не пойдешь — больше некому, а ведь сеять-то надо.

И Анна нехотя пошла на курсы. Она робко села на скамью, за самый край-

ний стол, кляла тот день, когда появился первый трактор, и думала, что никогда не сможет полюбить эту тумазую машину. Первые лекции она слушала равнодушно и не запомнила ни одного слова, ни одного названия части. Она сидела, опустив голову над нетронутой тетрадкой, и потихоньку грызла семечки. Но вот однажды она задумалась: «Как же это получается: керосин горит — машина идет. Отчего это? Лампа горит — на месте стоит. А тут еще такая силница». И она начала прислушиваться к словам преподаватель.

Однажды, вернувшись на квартиру, она не нашла сына. Хозяйка сказала, что ребенка унесла бабушка. Анна пошла к свекровке. Та, обругав ее, заявила:

— Не бросишь эти курсы. — Внука не отдам.

— А я — вам назло — не уйду с курсов, — сказала Анна. — Хватит помучить мною. Теперь я на своем поставлю.

Она отняла сына и унесла к себе, но на следующий день свекровь выкрала его. Вечером Анна снова отняла сына, а утром свекровь опять выкрала его. Так продолжалось недели две, пока измученная женщина не сдалась. Она согласилась временно отдать сына злой бабушке, но курсы не оставила.

В один из мартовских дней она вместе со всеми курсантами вышла во двор, где попыхивал колесный трактор, словно заседланный конь, рвущийся в путь. Один из курсантов сел за руль. Но двору расставили поленья и сказали:

— Рули. И старайся ни одного поленья не свалить.

Курсант поехал и все поленья свалил. Анна смеялась над ним:

— Эх, а еще парнем зовется! Я — баба и то проведу.

— А ну, Ерина, попробуй, — сказал заводящий курсами. — Утри ему нос.

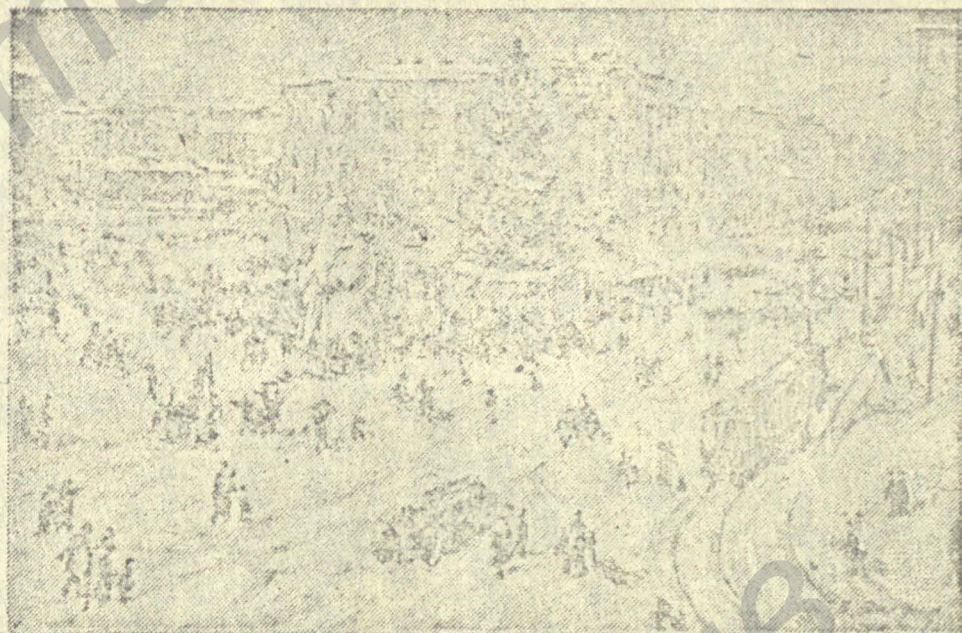
Анна села за руль, проехала по всему двору туда и обратно и свалила только одно поленья.

— Это попервости, — отговаривалась она, — а завтра ни одного не уронию. Вот увидите...

Сейчас, в первую свою поездку по полевой дороге, она прислушивалась к гулу мотора, как к голосу любимого человека. Ей поручили поднять первый пласт земли. Она гордилась этим и тревожилась — как бы не подвела машина.

Вот и полоса, которую ей предстоит вспахать. В прошлом году тут была озимая рожь. Снег долго не таял в густой шетке высокой живы и богатая влагой земля поблескивает, как глянцевое голенище сапога. В ложбинках, похожих на блюдца, серебрилась вода, над ней проносился парами утки.

«Ну, в добрый час! — Анна повертывает машину, чтобы начать первую борозду. Остро отточенные лемехи уходят глубоко в землю...

«Елка в Новосибирске»

Картина Викулова.

В новосибирских киностудиях

„Буря“

Сибирь на экране

Режиссеры-орденоносцы, лауреаты Сталинской премии Г. Козинцев и Л. Трауберг начинают в Новосибирске съемки нового художественного фильма «Буря». Эта картина покажет историю эвакуации и восстановления на новом месте, в далекой Сибири оборонного завода.

В первых кадрах зрители увидят город, к которому приближаются немцы. Рабочие разбирают стайки и грузят разный завод на железнодорожные платформы. Заканчивается фильм выпуском готовой продукции.

Картина выйдет на экраны к XXVII годовщине Октябрьской революции. В фильме снимаются нар. арт. СССР Корчагина-Александровская, нар. арт. РСФСР Скоробогатов и др. Музыку пишет Д. Шостакович.

Театр эстрады и миниатюр

В Новосибирске открывается новый театр — эстрады и миниатюр. Это театр, который будет гармонически сочетать в своих спектаклях героики и юмор, сатиру и шутку, музыку, песню, танец.

Театр города Новосибирска будет стремиться отразить жизнь города, героический труд сибиряков, помощь тыла фронту. Первую программу театр покажет в середине февраля.

Елизавета СТЮАРТ

Тихон Шишкин

Тихон Шишкин — парень бравый,
Нету краше молодца! —
Со своей стоит забавой
У тесового крыльца.

Говорит ему девица:
Я желаю, дорогой,
Вам скорее возвратиться
В наш сибирский край лесной...

Отвечает Тихон Шишкин:
— В порошок врага сокруш!
Не грустите только слишком
И не плачьте на ветру...

И смущенно Шишкин Тихон
Гладит девицы ладонь:
А потом разводит лихо
Голосистую гармонию:

— Вы, говорит, моя, говорит, краса,
говорит, девица,
Я, говорит, уже, говорит, влюблен, как
говорится!

Но, говорит, боюсь, говорит, признаться
даже,
Пусть, говорит, гармонь говорит, сама,
говорит, расскажет!

И звенит гармонь ладами
Вплоть до утренней зари...
И о чем, гадайте сами,
Парень с девицей говорит...

А на утро — расставанье...
Затуманит взор слеза...
Тихон Шишкин на прощанье
Смотрит девушке в глаза...

И потом уже в вагоне,
Средь бойцов, сидящих вокруг,
Говорит, что без гармонь
Тихон Шишкин, как без рук:

Говорит, что без гармонь
Тихон Шишкин, как без рук:
О любви и о невзгоде —
Все сумеет рассказать...

А теперь вот час приходит
И походную сыграть!
Пишет с фронта Тихон Шишкин:
«Как идут у вас дела?

Что-то письма долго слишком
Не приходят из села...
От меня досталось фрицам,
Я тащить не могу —

Я их бы, как говорится,
Словно зайцев на бегу!
И такой своей работе
Я веду особый счет...

Ждете вы или не ждете?»
Ну, и... прочее еще...

А ему девица пишет:
«Мол, скажу, дорогой...
Возвращайтесь, милый Тиша,
Неприменно, как герой...

А насчет моей работы —
Трудодням ведется счет!
Не имейте, мол, заботы...»
Ну, и... прочее еще...

И с собой письмо такое
Тихон Шишкин в бой берет.
Словно став сильнее вдвое,
Ровно вдвое немцев бьет!

А гармонь под вечер тронет —
Завывает песня в круг!
Ну, а не было б гармонь —
Тихон Шишкин, как без рук!

Три области: Новосибирскую, Кемеровскую, Омскую и два края — Алтайский и Красноярский обслуживает Новосибирская студия кинохроники. Ежедневно выходят на экраны выпуски киножурнала «Сибирь на экране». Зоркий глаз кинообъектива торгается в тихие кабинеты ученых и в грохочущие металлургические заводы, в ярко освещенные залы театров и полумрак кукольных шахт, и затем воскрешает на экране перед сотнями тысяч зрителей все важнейшие события жизни Сибири.

В 1943 году выпущено 43 звуковых журнала, 12 немых и фильм «Фронт удалется на запад».

С экрана кинохроники беседовал с сибиряками капитан Рюмин — руководитель делегации Северного флота, полднейного новосибирца. В одном из киножурналов показан колхоз «Красная Славянка» в его знаменитые кони, которых он готовит для Красной Армии. В другом киножурнале показаны госпитали, в которых крупнейшие ученые возвращают раненым бойцам здоровье и способность к труду. Один из сюжетов киножурнала посвящен сбору подарков для Сибирской Гвардейской дивизии. В нескольких номерах журналов отражено шефство Новосибирской области над Воронежской.

Много внимания уделяет журнал культуре и искусству. Перед киноаппаратом выступил народный артист РСФСР Скоробогатов, показавший свою замечательную работу над образом Ленина в спектакле «Кремлевские куранты», ряд сюжетов был посвящен 50-летию со дня смерти Чайковского, в них выступали перед кинозрителями заслуженная артистка РСФСР Халилеева, Государственный квартет им. Глазунова. С экрана читал отрывок из своей поэмы «Мои земляки» поэт А. Смердов.

Учебные кинофильмы

Кинематографисты Сибири работают над созданием новых учебных фильмов. По их картинам учатся звать наши молодые бойцы, их картины учат колхозников получать высокие урожаи, учат железнодорожников наиболее совершенным техническим методам работы.

Студия «Сибтехфильм» выпустила на экран большой фильм: «Форсирование водных препятствий» (реж. Соколов). Фильм этот получил высокую оценку и авторы его представлены к Сталинской премии.

Студия выпустила ряд картин по боевой авиационной технике: «Подготовка самолета к боевому вылету» (реж. заслуженный деятель искусств Кауфман) и другие, закончена производством учебная картина «Подготовка радиотелеграфиста» (реж. Рымаренко и Воллнская).

Ценным пособием в борьбе за урожай являются картины: «Хранение сельскохозяйственных машин», «Как вырастить высокий урожай картофеля и овощей».

Сейчас студия «Сибтехфильм» готовится к съемкам нескольких этнографических картин, посвященных народам Сибири и Востока.

КАК ГИТЛЕР ЗАХОТЕЛ СИБИРСКИХ ПЕЛЬМЕНЕЙ

Не мышь скребется, не волк крадется, не медведь идет, не амея ползет, — рано утром Геббельс является к Гитлеру с докладом:

— Так, мол, и так, — из России сообщение имеется: русские бегут!

— Бегут! — восхищается Гитлер.

— Да только так получается, что русские бегут за нами, побили нас на таком-то участке фронта сибирские дивизии!

— Опять сибиряки! — ахает Гитлер. — Что такое за нация — сибиряки и чем такие питаются, что так здоровы?

— Самая русская нация! — отвечает Геббельс. — А питаются они сибирскими пельменем: тело от него приходит в плотность, кровь в жилах ключом бьет.

— Ну, — говорит Гитлер, — так вот что: подайте мне сегодня к обеду сибирских пельменей!

Геббельс вздыхает и говорит:

— Не выйдет!

— Почему?

— Нет у нас таких специалистов, чтоб могли пельмень сибирский приготовить.

— Так у русских отбыл! Хотят дивизию положить, но добыли!

Делать нечего, высказывает Геббельс из спальни и снаряжает на русский фронт экстренную экспедицию.

КАК ДОБЫЛИ ГИТЛЕРУ ПЕЛЬМЕНЕЙ

Под густыми разлапистыми елями алым цветком костер горит. Под шатровыми снежными ветками голубой дымок бежит. Над костром, на сосновых дровах котел кипит. В большом котле пельмени плавают. Присланы те пельмени сибирякам-стрелкам к армейскому празднику из родной далекой сибирской сторонки. Колдует над пельменями батальонный кашевар:

— Варись, пельмень, крутись пельмень, — с'едят тебя, пельмень, сегодня сибирские стрелки!

А Пельмень из котла выглядывает и пищит тоненьким, как насовой волосок, нечеловеческим голосом:

— На то я и пельмень, чтобы меня с укусом заглаживали! Я свое пельменное дело отлично знаю. Крути меня, кипяти меня, товарищ батальонный кашевар, чтоб тесто проварилось, чтоб моя Параня полюбились.

И вылезает из котла его Пельменчик. Голоса, крупчатка, душиста, распарена и припухла. Кивает мужу в лад: — вот, мол, я какая: сибирская, — самый сок ко мне подходи, выложи тщи-брызги жирным золотом брызнут.

Тут кашевар черпаком пельмени в котел толкает, покрывает крышкой и в лес за дровами уходит, — для вышних градусов последнего жару поддать.

Тогда из снежных сугробов выползают фрицы. Тихо болотной травой подползают они к котлу, бесшумно поднимают крышку и в облаках пара, во всей пухлой красоте появляются перед ними Пельмень с Пельменхой.

Культурная хроника

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ НОВОСИБИРСКА

За период войны выпущено 29 книг новосибирских писателей, из них 3 альманаха и 5 сборников («За честь Родины», «Взвесь, песня боевая», «Сибиряки-гвардейцы», «Отвага» и «Сибиряки на фронте»).

За последние месяцы из печати вышли следующие книги новосибирских писателей:

«В стране Темира» — повесть для юношества А. Смердова, рисующая один из замечательных уголков Сибири — Горную Шорию, выросшую в культурный промышленный район в годы советской власти.

«Лето на полях» — книга очерков А. Коптелова, рисующая борьбу колхозников за военный урожай. По личным впечатлениям А. Коптелов написал книгу о боевой жизни одной из Сибирских Гвардейских дивизий и сейчас работает над романом.

Драматург А. Бруштейн написал пьесу «Дети и шкаты» — о новых молодых рабочих-подростках, пришедших на производство в дни войны. Написала пьесу Э. Буранова «Островитяне» — о колхозниках на уборке урожая. Обе пьесы приняты к постановке рядом театров.

Группой писателей готовится к печати

МНО0588

Сказка

— Гляди, Параня, — немцы! — изумляется Пельмень.

— Вот они, пельмени! — сладостно шепчут фрицы. — Хватай! В термос их! Давай, пихай! Айн, цвай, драй!

Прыгают в их лапы Пельмень с Пельменхой, пищат Пельмень звонким голосом:

— Жгись, Параня, жгись!

А Пельмениха в ответ:

— Ой, жгусь, Ваня, жгусь! Только их не прожжешь, они насквозь прожженные! И уволок их фрицы прямо в Берлин.

КАК ГИТЛЕР ОБЕДАЛ С ПЕЛЬМЕНЯМИ

В сказке все можно! В сказке и годы в одно мгновение проходят, и камни говорят, и воробьи океаны выплывают.

Сидит Гитлер за столом.

— Есть на обед мне пельмени? — спрашивает.

— Есть! — торжественно отвечает Геббельс, и по его знаку вносят в столовую блюдо, а на блюде наблюдник, а под наблюдником миска, а на миске — крышка, а под крышкой блюдечка, а на блюдечке сибирские пельмени. Пар от них идет, как в хорошей бане, аромат от них такой, что голова натошак кружится.

— Так вот он каков — пельмень сибирский! — говорит Гитлер. — И с чем и подо что его, такой, кушают?

— Едят нас с укусом, сметаной, молоком да маслом! — пищит Пельмень. — А идем мы лучше всего под русскую горькую!

— Не буду кушать вас под русскую горькую, — морщится Гитлер. — И так мне от русских горько. Хотя я и не пьющий, а запыю вас зеленым рейнским вином.

— Нет, — отвечает Пельмень, — мы с Параней таких подлин не признаем, нам хлебного слезу давай. И вообще не да то мы изготовлены, чтоб нас сожрали!

— Правильно, Ваня! — соглашается Пельмениха. — Давай отсюда, — и, подхватив Пельменя, прыг со стола и оба на тонких ножках топ-топ — на улицу.

Какой тут поднимается переполох, какая возникает суматоха, о том в пору в газетах писать, а не в сказке рассказывать.

КАК ПЕЛЬМЕНИ ПО БЕРЛИНУ ТУЛЯЛИ

Идет по берлинским разбомбленным улицам тощий немец. Этот тощий немец жует сосиску, шепочку, этот тощий немец слушает грустную музыку в своем животе. Видит немец: по улице-мостовой, мимо единственного уцелевшего дома бегут тоненькие ножки, на тоненьких ножках два лаковых кусочка. Визгивает тощий немец: — Клецки!

И пускается в погоню. А к нему присоединяются немцы, немки, немчики, немченята. Все бегут и орут:

— Клецки! Клецки! Клецки!

А пельмени пробегут, обернутся, прокричат оскорбленно:

— Ах, дуры головы, мы не клецки, мы пельмени!

И снова бегут от бешеной погони. И все это, как в кинематографе.

Но что же во дворе?

Грызет дорогие краденые ковры Гитлер. Скачут, как блохи, перепуганные слуги, обезьяной от телефона к телефону прыгает Геббельс. Все поставлено на четыре ноги.

Бьют барабаны, гудят гудки, вотот рожи, заливаются флейты, — и выходят войска, и выходит полиция, и впереди всех хлопочет доктор по разным паршивым делам, сам Геббельс.

Кипит Берлин, шумит Берлин, волнуется Берлин, за сибирскими пельменями гонят. Только и слышно:

— Клецки! Клецки! Клецки!

И вот наступают беглецов, хватают их сукины сыны эссы и на подносе Геббельсу подносят:

— Вот они — сибирские пельмени!

И под усиленным конвоем доставляют пельмени во дворец.

КАК ПЕЛЬМЕНИ ВЕРНУЛИСЬ В БАТАЛЬОННЫЙ КОТЕЛ

Потрает Гитлер руки, играет салфеткой, готовится с'есть сибирские пельмени. Вот уж музыка затрала на хорах, вот уже видка над бедными пельменями взвилась. Погибли бы пельмени!

Но тут взвыла не своим голосом сирена, зазвонили колокола, забухали пушки и началась воздушная тревога.

И в такой панике Гитлер нервно бежит в бомбоубежище, а Пельмень с Пельменхой спокойно исчезают со стола, мол, не боймся мы прямого попадания и возвращаются в свой батальонный котел.

А над Берлином появляются самолеты, и столько «пельменей» на крыши Берлина спускают, что горит Берлин, как медь на солнце.

Изготовлены-то «пельмени» на сибирских заводах, из сибирской железной начинки, стальными русскими людьми.

КАК БЫЛИ СЕДЕНЬ СИБИРСКИЕ ПЕЛЬМЕНИ

В морозный праздничный день под накатом из толстых сосновых бревен сидят сибирские гвардейцы, едят сибирские пельмени и хвалят батальонного кашевара за вкусный обед.

Поддевают ложками Пельменя с Пельменхой, говорят:

— Такой пельмень глотать не лень, хорош такой пельмень под водочку. Спасибо тем, кто каждый час помнит о нас, кто хлеб собирал, пельмень катал и сюда прислал.

Подняли кружки, чокнулись, выпили и с'ели пельмени за наше с вами здоровье.

Л. БРАУСЕВИЧ.

Александр СМЕРДОВ

Земляки

Больше года воевали
В разных ротах два бойца,
Но однажды на привале
Повстречались у крыльца.

И за дружеской беседой
За табак взялись они:
— Ну-ка, бийской, брат, отдавай,
— Ну-ка, томской заверни!

— Ты откуда? — С быстрой Бии.
— Ну, а я с Томи-реки.
Обнялись сыны Сибири:
— Мы ж, выходит, земляки!

Накуриться не успели,
Подступил к деревне враг.
Залегли солдаты в щели,
Друг от друга ни на шаг.

Даже весело им, стойким,
Под свинцовою пургой,
Бьет один из бронебойки,
Пулей снайперской другой.

Подпускают танки близко,
Не дают врагу пути:
— Ну-ка, фриц, отдавай бийской.
— Ну-ка томской, ганс, хвати!..

В самом пекле, в гуще боя,
В самой ярости атак
Беззаветно бьются двое,
Друг от друга ни на шаг.
По сноровке, да по глазу,
Да по верности руни
Узнают везде их сразу —
Не иначе — земляки!..

И под пуль надсадным визгом
И под вражеским огнем
Слышно:
— Ну-ка, братцы, бийской.
— Ну-ка, томской завернем!

Как отважно бьются двое,
Скоро целый фронт узнал,
Ордена вручил героям
Знаменитый генерал.

— Вы откуда же такие? —
Генерал спросил двоих.
— Земляки с Томи да с Бии, —
Отвечал один из них.

Генерал усы седые
Распушил, прищурил глаз:
— Сам родился на Оби я,
Земляков признал зараз...

Снова в путь, на бой кровавый
Земляки идут вперед,
И о них не меркнет слава,
Пуля смелых не берет.

Кончив жаркий бой победой,
Говорят всегда они:
— Ну-ка, бийской, друг, отдавай.
— Ну-ка, томской заверни!

Письма и отзывы об этом выпуске «Сибирских огней» просим посылать по адресу: Новосибирск, Советская, 6, комната 4, Союз Советских писателей.

Мальцев, Белоусов, Логвиненко, Малкин, Гладышев.

Основная задача филиала — изучение и научная помощь в подеме производительных сил Западной Сибири.

Создание филиала Академии наук сыграло огромную роль и в период войны и в послевоенное время.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «СИБИРЬ — ФРОНТУ»

16 января в двух залах клуба им. Сталина состоялась торжественное открытие выставки картин, скульптуры, графики новосибирских художников.

Выставка эта показывает творческий рост художников за время войны, широту и актуальность затронутых тем.

На выставке экспонировано около ста пятидесяти работ. Среди них большая картина художника Ликмана «Передача колхозниками самолета Красной Армии», картины художника В. И. Прагера — «Пушки — фронту» и «Прощание с товарищем», картина худ. Переднего «Возвращайтесь с победой», «Кони — фронту» — худ. Тютикова, «Сталь — фронту» — Якубовского, «Девушки-связистки» — Неймарка. Художник Смолин представлен рядом портретов деятелей науки и культуры. Портрет забойщицы Михайловой написала художница Пономарева. Портреты генерал-лейтенанта Медведева, командующего Сибирским Военным Округом, и артиста Эко-

робогатова в роли Суворова показал художник Самохвалов. Пейзажная живопись представлена художниками Кудрявцевым, Викуловым, Фокиным.

На выставке показаны также фронтальные зарисовки братьев Титковых Ивана и Василия, графика худ. Малкина и Бера, Левина, скульптуры В. Ф. Штейн, Н. Я. Раппопорт, З. С. Снегирь, Г. А. Козлова, Д. С. Соколовского и др.

ЮБИЛЕЙ «КРАСНОГО ФАКЕЛА»

В 1944 году исполняется двадцать пять лет с начала существования театра «Красный Факел».

Первым спектаклем театра в новом году будет «Волки и овцы» А. Островского. Роль Мурзавецкого в этом спектакле исполнит артист Н. А. Кудрявцев, широко известный новосибирскому зрителю. Н. А. Кудрявцев в 1944 году также отмечает 25-летие своей артистической деятельности.

Параллельно со спектаклем «Волки и овцы» театр готовит к постановке «Стелло» Шекспира. Роль Отелло исполнит арт. Аркадьев. Театр готовит также специальную программу для организованной им фронтовой бригады, которая вскоре выедет на фронт.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: С. Е. Кожевников, А. Л. Коптелов, Г. М. Пушкирев, А. И. Смердов.

СИБИРСКИЕ ОТНН

Специальный выпуск Новосибирского отделения Союза
Советских писателей для североморцев.
ИЮЛЬ 1944 г.

Третий сезон работает трактористкой-газогенераторницей Мария Швырева в Коурокской МТС, Тогулунского района.

В ответ на приказ товарища Сталина она дала слово за весну полностью выполнить годовое задание — вспахать 350 гектаров, а на комбайне убрать не менее 800 гектаров.

На счету у Швыревой уже 200 гектаров условной пахоты и 700 килограммов экономии твердого топлива (угли).

6 мая, прицепив две тракторных сеялки, знатная трактористка засеяла 42 гектара при норме 20. До этого двумя культиваторами она обрабатывала по 49 гектаров в день при норме 15.

ОФИЦЕРАМ, МАТРОСАМ И ЛЕТЧИКАМ СЕВЕРНОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

ОТ ТРУДЯЩИХСЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Дорогие товарищи североморцы!

Горячий дружеский привет вам от новосибирцев! Отдаленные от вас тысячами километров, мы живем одними чувствами и желаниями с вами. Мы стараемся сделать все, чтобы помочь вам добить врага.

Мы понимаем, что сейчас, когда уже недалек час победы советского народа, ответственность наша перед фронтом, перед вами, товарищи североморцы, особенно возросла. Мы должны максимальным напряжением всех сил поддерживать вас в этой решающей битве.

Рабочие и инженеры заводов и фабрик, колхозники Кулунды, животноводы Барабинской степи, охотники и лесорубы Нарыма, рыболовы многоводных сибирских рек, ученые Новосибирска и Томска, педагоги и врачи — каждый своим трудом старается всемерно помочь фронту.

Мы наступаем со страной вместе.

В огне сражений, в поле, у станка

Несем мы знамя доблести и чести

Уверенной рукой сибиряка.

Так мы сказали в первом майском рапорте товарищу Сталину, который подписали миллион 100 тысяч трудящихся Новосибирской области.

В этом рапорте любимому вождю мы подвели итоги нашей работы и, вместе с тем, взяли новые социалистические обязательства.

Выполняя эти обязательства, промышленность нашей области добилась замечательных результатов в производстве вооружения и боеприпасов. Только один из наших военных заводов, строительство которого закончено уже во время войны, дает продукции больше, чем вся царская Россия во время империалистической войны 1914 года. Гордость нашей области — завод имени Чкалова — почти год держит переходящее красное знамя Государственного Комитета Обороны. Половина переходящих красных знамен, установленных ЦК ВКП(б) для промышленности одного из наркоматов, находится в предприятиях нашей области.

Многие предприятия за 2 месяца, прошедшие после подписания первого майского рапорта, добились выдающихся производственных результатов. Например, коллектив крупнейшего орденоносного завода «Сибметаллстрой» досрочно выполнил полугодовую производственную программу. Промышленность города Томска выпустила продукции на 2.400.000 рублей больше, чем в марте, на 2.000.000 рублей дала сверхплановой экономии.

Железнодорожники самой длинной магистрали в мире — Томской и Омской дорог — героически борются за то, чтобы боеприпасы и продовольствие шли на фронт непрерывным потоком. Мастера водения тягловесных составов, воспитанные первым машинистом страны Героем Социалистического Труда Лунным, дают образцы выполнения первого майских обязательств вождю.

Недавно в Новосибирске проходил съезд молодых рабочих. Горя-

чая любовь к Родине звучала в юных голосах делегатов, выступавших с трибуны съезда.

Молодежь нашей области с честью выполняет обязательства, данные товарищу Сталину в первом майском рапорте, а ведь сейчас молодежь — решающая сила на производстве.

Горячая работа идет на необъятных колхозных и совхозных полях области.

Для того, чтобы дать стране как можно больше хлеба, мы еще глубокой зимой начали подготовку к весеннему севу — готовили семена, кадры, ремонтировали тракторы. Промышленные предприятия области оказали большую помощь сельскому хозяйству, изготовляя запасные части к тракторам и комбайнам.

Весенний сев мы провели на более высоком агротехническом уровне, чем в прошлые годы. План культивации зяби и паров выполнен МТС на 198 процентов, а боронование зяби и весновспашка — на 277 процентов. Всего по области поднято около 140 тысяч гектаров целинных и залежных земель. Сейчас на полях нашей области зреет обильный урожай. А хлеб — это то же, что и боеприпасы для фронта.

Каждое утро радио приносит нам радостные вести о новых успехах Красной Армии. В своем наступательном порыве героические советские войска уничтожают все преграды, которые еще пытаются ставить на их пути смертельно раненый враг. Мутная волна вражеских полчищ откатывается все дальше на запад. Истерзанная, разоренная захватчиками родная земля возвращается к жизни. Вслед за армией воинов идет армия строителей, которая на пепелищах сожженных, искалеченных врагом городов закладывает новые прекрасные города — города будущего, такие же просторные и светлые, как грядущее близкое счастье нашего народа, отвоёванное кровью его лучших сынов.

Дорогие друзья, моряки Северного Флота! Ваши боевые подвиги народ запомнит и бережно сохранит в легендах и песнях.

Нам радостно сознавать, что и наш труд помогал вам сражаться, что и он вошел какой-то долей в общие усилия всей советской страны, борющейся за счастье народа.

Мы постараемся работать все больше и лучше, а вам от всего сердца пожелаем: будьте мужественны, дорогие друзья! Наши силы удесятерятся к победе.

Вместе с вами мы идем ей навстречу — и Родина с надеждой смотрит на нас.

Враг будет разбит!

Да здравствует близкая победа!

Да здравствует Верховный Главнокомандующий, Маршал Советского Союза товарищ Сталин!

Новосибирский

Облбисполком.

Новосибирский

Обком ВКП(б).

У нас, славян,

Преданье есть

О том,

Что

Должен

Он

Расцвести!

Но где?

Веками длился спор:

На склонах ли Уральских гор

Или вдали, в горах Карпат...

Кто знает?

Разно говорят!

Ужовник ли среди болот

Волшебным цветом расцветает,

Язычник ли среди деревьев

Окажется цветком чудес?

Ужовник ли,

Язычник ли —

Не угадать заранее.

Но брызнет вдруг из-под земли

Чудесное сияние —

Жар-цвет!

Когда он зацветет,

То с неба гром послышится,

И глухо ухнет топь болот,

И море заколешется,

И от великого огня

Вдруг станет ночь яснее дня.

Все сотворится заново.

...То будет ночь Иванова.

Леонид МАРТЫНОВ

ЖАР-ЦВЕТ

И кто Жар-цвет в ту ночь сорвет,
Богат и мощен станет тот
И невредим всегда уйдет
С любого поля бранного.
Волшебна ночь Иванова!
Среди лесов, среди болот
Жди мига долгожданного
Не спи!
Дождется тот, кто ждет!
Волшебна ночь Иванова!

Иван — в семье у партизан
Любимейшее из имен.
Иван!
Иван и ты и он.
Иван идет! Страшись, тевтон!
Когда придет Иван домой,
Быть может станет он Фомой,
Быть может будет он Ильей,
Когда он встретится с семьей.
А здесь Иван зовется он.
Лишь это имя знай, тевтон!
Его услышав, трепещи!
Не спят Иваны-силачи,

И зря прожекторов лучи,
Как затесанные мечи,
Горят над станом партизан,
В котором властвует Иван.
С винтовками наперевес
Идут Иваны через лес.
Им введом путь среди болот.
Ударят в тыл.
Возьмут в обход...

Страшись, тевтон!
Иван идет!

Идет весна.
Она красна,
Моя славянская весна!
Все ближе лето новое —
Суровое.
Грозное!
Иванов день!
Он ждет меня!
Дождется дня! Дождется дня!
Затмится небо ясное.
Жар-птица яркокрасная
Ко мне на помощь ринется,
И мгла лесов раздвинется,

Чтоб на армейском знамени,
На алом его пламени,
Звезды, серпа и молота
Загребетало золото!
В дыму пламени побед
Днем расцветет он! Горит же!
Черно вдруг станет среди дня
От орудийного огня —
И ослеплен,
Испепелен,
С землей смешается тевтон.

Стоя,
Уйдет
Он
В топь болот.
У нас, славян,
Преданье есть.
Что должен, должен
Он расцвести!

Канун Иванова дня не за горами!
Брат Иван,
Седлай крылатого коня,
Бесстрашный русский партизан!
Лети, захватчиков гоня,
Могучий русский партизан!

Лучи Перунова огня
Неси, Жар-Цвет,
Мечту, славян!

Елизавета СТЮАРТ.

Д о м а

Когда придет так долго жданный вечер,
Ты постучишься у заветной двери,
И, на бегу накинув шаль на плечи,
Жена откроет, веря и не веря
В походах все большое слово — «дом»
С волнением в сердце говорят и слышат.
Вот ты шагнул через порог знакомый,
Вот ты вошел под маленькую крышу.
И все, что ты с такой любовью помнил,
Что наградит за тяжкий труд солдата,
К тебе вернется вновь за дверью комнат,
На столько дней покинутых когда-то:
И маятника важное качанье,
Что отсчитал разлуку до минуты,
И маленького сына лепетанье —
Вся теплота желанного уюта.
И женщина, что шла все время рядом,
В бою храня от пули так счастливо,
Та, что на миг с тобою встретясь взглядом,
Смущенно скажет: «Вот, нетерпеливый...»
...Проходит вечер... И окно синее...
И мальчик дремлет, сказкой убаюкан...
И вот тогда, по-девичьи краснея,
Она к тебе свою протянет руку.
И тишины ничем не нарушая,
Наступит час, когда в уснувшем доме
Твоя тоска давнишняя, большая
Уляжется на маленькой ладони...

Д р у г у

Вот в этот час, мой друг, вот в этот самый,
Когда знакомыми тебе лесами
Я на рудник иду тропой новой,
У вас на западе, быть может, снова
Невиданная битва загремела...
И все, что там цвело и зеленело,
Покрылось жаркой пылью, засыхая...
И дымная кругом нависла выбель,
И ты стоишь у пушки, посылая,
Снаряды, сеющие гром и гибель.
И может быть, сквозь эти гулы, шум
Тебе сторонка вспомнилась родная —
Вот этот лес, низина голубая,
Где плещется река, — и ты подумал:
«А там теперь, наверно, тишь такая,
Что даже слышно, как цветет малина»...
Мой друг, не правда это!
По долинам,
И по логам, и по высоким склонам
Наш лес пронизан гулом, шумом, звоном...
Едва рассвет посеребрит поляны,
Выходят лесорубы на деляны.
И до темна пока хватает силы

Илья МУХАЧЕВ.

Звонят их топоры, шипят их пилы.
И сосны шумно валятся на скаты,
Расплескивая воздух тепловатый.
Здесь всюду шум труда. И веток шопот
Им заглушается.

Мы рудокопы
Поразметав камней тяжелых груды,
Взорвав утесов бурные громады,
Берем у гор их клад богатый — руды...
И может быть, те самые снаряды,
Что выпускаешь ты сейчас в бандита,
У нас же на заводах все отличны
Из той руды, которая добыта
Вот здесь, где всюду лес, трава и камень,
Моими огрубелыми руками.
И доски ящика вот этого, в котором
Тебе снаряды по полю подносят,
Быть может, пахнут смолой темнокорых
И зеленохвойных наших сосен.
И потому ведь, что в едином сплаве —
Труд лесоруба, рудокопа и солдата,
Победа к нам летит на крыльях славы,
А над врагом нависла ночь расплаты.

Они заменили отцов

Когда он подошел к трибуне и встал на стул, была видна только одна его голова. Пришлось взгромоздиться на край трибуны и только тогда начать свое слово.

На вид ему можно дать лет двенадцать, но он с гордостью заявил:

— Мне пятнадцать... Я работаю наравне со взрослыми.

Но это была излишняя скромность. Он работает не наравне, а значительно лучше взрослых. На его груди медаль «За трудовое отличие». Его выработка не снижается даже до 250 процентов нормы. Он освоил три специальности и, кроме всего, он берет на обучение шестерых учеников.

Таков мастер обувной фабрики имени С. М. Кирова в Новосибирске — Коля Габайдулин.

Коля не одинок. В зале второго съезда молодых рабочих более тысячи таких же парней и девушек. Это — герои, передовики производства.

Вот, например, малыш Гриф. Ростом он еще меньше Коли, но он — техник телеграфа. Прекрасный техник. Сидя на барьере трибуны, он совсем по-детски заявляет:

— Сначала я очень много шалил и все мастера от меня отказывались. А теперь я — техник второго разряда.

Володя Войцеховский пришел на завод учеником. Во время первого съезда молодых рабочих — в 1943 году — имел третий разряд. Тогда он обязался повысить свою квалификацию и на второй съезд приехал уже с пятым разрядом.

Володе Меркулову 15 лет. Он обучил своему ремеслу — и обучил хорошо — 4-х учеников, а сам стал тысячником. Это — один из лучших мастеров военного завода.

Логинову — 17 лет. Он — кочегар паровоза и он заявляет съезду:

— Через шесть месяцев буду помощником машиниста, а на третий съезд приеду машинистом, и он это сделает.

Весь зал заполнен такими молодыми, жизнерадостными мастерами производства. И кажется, что ты попал на какой-то молодежный праздник, где собрались ребята на веселое зрелище, спектакль, концерт. Однако лица строгие, в кармашках голубые и черные книжечки-мандаты, в руках — блокноты. У каждого за плечами

большие достижения, звание отличника, стахановца, тысячника, сознание ответственности перед государством, перед страной.

Володя Войцеховский сказал:

— Я пришел на завод мстить фашистам за смерть отца. И я мщу своей работой.

Его отец ушел на фронт, а он встал к станку. И так большинство. Это сквозит почти в каждом выступлении. Они не говорят этого вслух, но в их словах чувствуется:

— Мы заменяем отцов.

И это действительно так.

Огромные военные заводы Сибири, снабжающие фронт орудиями, самолетами, снарядами, обслуживаются, в большинстве, вот этими молодыми рабочими. Их отцы ушли на фронт, они встали на их место к станкам.

На заводах Новосибирской области более 70 тысяч молодых рабочих.

Иногда приходили на завод, как Гриф, с задором, с мыслью пошалить, пошаловаться, но все это осталось за воротами завода. На заводе они увидели огромное государственное дело, поняли свою ответственность перед страной и встали к станку со всею сознательностью, со всем глубоким пониманием дела помощи фронту. По-взрослому они принялись за работу. Они овладели в совершенстве техникой, а за год войны они прошли такую учебу, которую осваивали в мирное время за десять лет.

К первому съезду на заводах области имелось 376 молодежно-комсомольских бригад, сейчас их — 3,612. В 1943 г. на заводе имени Чкалова было две бригады, сейчас — 416. И 192 бригадам присвоено звание фронтовых.

Особенность этих бригад такова: поднимая свое производство, они освобождают лишних людей для новой работы и в то же время повышают выработку бригад.

Так 719 молодежно-комсомольских бригад высвободило 1,714 молодых рабочих и передало их своим заводам, как дополнительную и обученную силу.

Одна из томских бригад освободила из своего состава 10 человек и выполнила месячную норму в 8 дней. Бригада Нелли Рузис освободила трех человек и выполнила план к 10 марта с превышением на 250 процентов.

Все это идет за счет повышения квалификации, уплотнения рабочего дня, перехода с одного на два, три и даже четыре станка.

124 молодых рабочих выдвинуты на командные должности производства. Многие миллионы рублей наша молодежь сэкономила на производстве, на многие и очень многие миллионы рублей страна получила дополнительной продукции, а фронт снарядов и вооружения. Это сделала наша молодежь. Они смело могут сказать:

— Мы заменили отцов! Наши отцы могут быть спокойными за тыл — мы не подведем.

Глеб ПУШКАРЕВ.

Город на Оби

Очерк С. Кожевникова

1—

Мы живем в этом городе. Он полон для нас очаровательных красок, родных звуков и ли с чем не сравнимого аромата родной земли...

Перед нами огромный город. Он занимает сорок тысяч гектаров, двести его улиц и площадей протянулись на 325 километров. Но пейзаж его, благодаря прозрачности воздуха, раскрывается с такой четкостью, что кажется он поднят к нам биноклем.

Пятьдесят лет тому назад здесь властно шумели сосны. Там, где воздвигнут первый кессон железнодорожного моста, стояла одинокая пазуха рыбака Гусева и среди хмурых лесных зарослей сиротливо вился сизоватый дымок таежного костра.

Да, этому могучему индустриальному городу Сибири с его неумолкающим гулом жизни, с его чистыми красками, с его чудесными сосновыми запахами идет всего только пятидесятый год.

В 1891 году, на левом берегу Оби против устья реки Каменки, появилась изыскательская партия инженера-путейца Н. Г. Гарина-Михайловского, известного русского писателя. Руслы реки ожгло здесь в тесных каменистых берегах, а дно ее выложено гранитом. Природа как бы сама подготавливала прочное подножие будущим кессонам. И Гарин-Михайловский дал заключение строить здесь для Сибирской железной дороги мост через «Обь, реку великую».

В 1894 году к устью Каменки прибыли строители моста. Безлюдные берега Оби огласились стуком молотков, и этот стук возвестил рождение в Сибири нового города.

Русский народ создал в Сибири много городов. Более трех с половиной столетий тому назад он начал освоение этого сурового и богатого края. Сибирь была тогда неведомой и загадочной страной. Ее земли, ее реки, ее леса не были нанесены ни на одну географическую карту мира.

И вот в сонную Сибирь, в таежную глухомань вдруг ворвался гудок.

Это был гудок первого паровоза, который пошел по железнодорожному мосту, через Обь. Он возвещал о конце дедовской Сибири, с ее колесным трактом, гужом и верблюдами.

В городке поселились потомки отважных русских землепроходцев, опытовщиков, мастеров «огненного действия». И так же как их прадеды открывали «новые земли» на свой счет и за свой страх, они, потомки землепроходцев, стали без разрешения начальства поднимать на свой счет и за свой страх новый русский город на берегу Оби.

Вслед за металлической громадой моста, воздвигнутой над пустынной Обью, люди соорудили речную пристань и строили складские здания. К скалистому правому берегу стали причаивать плоты, баржи и пароходы.

Между пристанью и вокзалом градостроители воздвигали бараки для переселенцев, строили магазины, собор, школы, читальню, театр.

Через десяток лет город раскинулся на шестнадцать квадратных верст и жило в нем тогда свыше двадцати тысяч человек — по числу населения он занял третье место из девяти городов Томской губернии. В 1906 году по оценке недвижимого имущества Новоиколаевск занял второе место после Томска. За тринадцать лет он почти догнал город с трехсотлетней историей. И тогда впервые молодой город на Оби был назван Сибирским Чикаго.

Город на Оби вырос на путях между хлебным Алтаем и рыбопромышленным Севером, между молочной Барарой и угольным Кузбассом. Он связал с общероссийским и мировым рынком огромный район Сибири, направил его на производство товарного хлеба и масла, вызвал к жизни угледобычу и лесной промысел, усилил приток населения в этот почти безлюдный край.

2—

Революция превратила Новоиколаевск в центр огромного края, называемого Сибирь — от Уральского каменного пояса до «священного озера» Байкал. И дала ему новое гордое название — Новосибирск.

И отсюда, с каменистых обских берегов, пошла Сибирь на просторы новой жизни. Город на Оби поднимался, как сказочный богатырь, и взял на свои плечи богатства и дары огромной социалистической Сибири.

Одно плечо свое он выдвинул через Турксиб в Среднюю Азию. Это была первая, во времени сооружения, магистральная советская железная дорога. Головной

участком ее в Сибири стал Новосибирск. И город на Оби начал формировать для Средней Азии поезд с золотистой сибирской пшеницей, с нарымским лесом, с кузбасским каменным углем. А из Средней Азии пошли к нам, в Сибирь, встречным потоком белоснежный хлопок, рис, табак, фрукты и шелк.

В эти же годы на «горелых горах» Кузбасса, о которых еще в начале XVIII века писали свои «отписки» царю сибирские рудознатцы, начали вспыхивать один за другим новые огоньки. Люди, ехавшие из Новосибирска по Кольчугинской железной дороге, с удивлением видели, как в густой темноте ночи перед их глазами возникали одна за другой звездочки, а потом неожиданно раскрывались то справа, то слева дороги яркие, веселые россыпи огней. Они не гасли всю ночь, потому что всю ночь, весь день шла кипучая работа на шахтах Кузбасса.

Огни эти зажгла в Кузбассе первая сталинская пятилетка. Их вызвало к жизни мудрое указание И. В. Сталина. В июне 1930 года он говорил на XVI съезде ВКП(б), что украинская топливно-металлургическая база не может в дальнейшем удовлетворять все нужды страны. «Новое состоит в том, чтобы, всемерно развивая эту базу и в дальнейшем, начать, вместе с тем, немедленно создавать вторую угольно-металлургическую базу. Этой базой должен быть Урал-Кузнецкий комбинат, соединяющий кузнецкого коксуемого угля с уральской рудой».

И вот сюда, к Кузбассу и Уралу, Новосибирск выдвинул второе свое плечо и поднял на нем угольные пласты Кузбасса и железные руды горы Магнитной. Город на Оби стал опорным конечным пунктом выходов из Кузбасса. По железнодорожной линии Сталинск-Новосибирск непрерывной лентой маршрутных поездов пошел на запад и юг страны миллионы тонн угля, дымчатого кокса и тяжелого металла.

Город на Оби стал крупнейшим в стране железнодорожным узлом со стальными путями на Москву, Ленинград, Владивосток, Туркестан и Кузбасс.

Через всю Сибирь — от Алтайских гор до Северного Ледовитого океана — течет могучая Обь, четвертая по величине река в мире. Это любимая наша река. Старожилы называют ее «кормилицей», «матушкой Обью». Новосибирск вышел по Оби, реке на большие морские просторства.

Сибиряки давно стремились вывести свой край на просторы океанов. Более двух столетий они дерзко пытались прорваться через льды Карского моря к Петербургу, Лондону, Нью-Йорку. Но только в 1921 году из Новосибирска по Оби и из Игарки по Енисею в Карское море и дальше — к портам Западной Европы и Америки — пошли в регулярные рейсы лайнеры и теплоходы с сибирским лесом, пшеницей, войлоком, кожей. А отсюда, из Америки и Европы, — промышленное и электрооборудование, сельскохозяйственные машины и инвентарь, автомобильный транспорт, сырье и полуфабрикаты.

По водным путям город укрепил свое влияние на тысячи километров: до Бийска на юге и до Нового Северного порта — на севере.

Здесь, на Оби, искали когда-то наши предки сказочное Лукоморье, где, как им представлялось, прямо с небес валялись наземь пушные звери. Давным-давно проплыли по этой реке волыные кочи и шитки первых сибирских землепроходцев, искателей Лукоморья. Потом столетия река была пустынной. Но вот родился на Оби новый город и в сталинские пятилетки отправил он со своих верфей, портов и затонов в плавание по Оби сотни пароходов, буксиров, катеров, барж. Он включил в экономическую жизнь края новые, доселе не освоенные районы Севера. В тайге выросли леспрохозы, лесоперерабатывающие базы, рыбопромышленные предприятия, лесозаводы, охотно-промысловые станции. И по матушке-Оби пошли к Новосибирску тысячи тонн рыбы, пушнины, кедровых орехов, продуктов лесохимии, миллионы кубометров леса.

Новосибирская пристань стала крупнейшим портом Сибири и над лею незримо реют радужные паруса первых землепроходцев, мечтавших найти в Сибири сказочное Лукоморье.

В советские годы Новосибирск снял свой дореволюционный белый фартук и надел синюю блузу. Из города-вокзала, города-перевалочной базы, города-мукомла он стал индустриальным центром. Здесь выросли машиностроительные заводы и электростанции, химическая, деревообрабатывающая, пищевая и швейная промышленность. Новосибирск изготавливает

станки, строит сложные машины, вырабатывает синтетическую камфору, делает оборудование для золотой промышленности, вырабатывает кожу, шьет обувь и одежду, производит мебель, радиорепродукторы и многое другое.

С какой бы стороны мы ни посмотрели на город, — мы всюду видим заводские районы. С понтоного моста, который соединяет левобережье с городом, раскрываются прибрежные индустриальные и портовые кварталы. На юге висят над рекой переплеты второго железнодорожного моста и от него, по берегу, чередуясь, идут на север элеваторы, высоко поднявшиеся к небу свои массивные башни, заводы, мельницы, электростанции, склады.

В порту беспрерывно скрипят грузоподъемные краны и шумят транспортеры. По железнодорожным рельсам двух великих дорог — Сибирской и Турксиба, соединяющихся здесь и оглашающих город по берегу реки стальной дугой, день и ночь громят поезда. Гудки паровозов перекликаются с гудками фабрик, с сиренами пароходов. И весь берег Оби — дымящийся, словно он возносит курейня — дымящийся, словно он возносит курейня и яркому сибирскому солнцу и голубому куполу неба.

Мы любим подвезать к своему городу на пароходе ночью. Он выплывает к нам навстречу, как громадный и гордый корабль, не знающий усталости и сна. Вольный обский ветер гуляет в садах и скверах, развевает флаги и, кажется, где-то высоко над городом раздувает паруса. Электрический свет города мелькает перед нами корабельными сигнальными огнями. Нам приятно стоять в этот час на палубе парохода и чувствовать теплое дыхание города на своих щеках.

3—

Мы восхищаемся в Новосибирске великой творческой силой русского народа, подвизавшего на своих плечах как индустриальный, так и сельскохозяйственный город. Мы любим в Новосибирске свою юность, свой труд, свое творчество, свою мечту.

Здесь мы повязывали свой первый пионерский галстук, носили на своей груди коммюнистический значок, получали партийный билет. Здесь мы становились архитекторами, инженерами, поэтами, учеными, учителями, машинистами, офицерами.

В этом городе у нас много любимых еще с детства уголков.

Мы любим свежий, бодрый колорит построек своего города и ясные горизонты

его заречья и живописные пейзажи его окраин. Когда мы говорим «родина», перед нами встает ожившая Обь с золотистыми песками на берегах и мы слышим мерный плеск ее волн, мы видим необыкновенно глубокую лазурь новосибирского неба и ночные звезды, спустившиеся к земле спелыми гроздьями. Мы говорим «родина» и перед нами встает наш величественный куполообразный театр с его мощными прямоугольными колоннами, площадью Сталина с ее электрическими мачтами и блеском асфальта.

Чувство родины у нас, как и у всех людей, конкретно. Но здесь, в Новосибирске, родина для нас только начинается...

В давние времена, когда пришли на Обь наши предки с Дона, с Волги, с Оки, в груди у них кипела ненависть к крепостникам, от которых они сюда бежали, но в крови их была нежная любовь к старым, исконно русским местам. И новым своим поселением в Сибири они давали старые русские названия: Смоленское, Вяземка, Киевка, Гжатск, Славянки, Полтавка, Одесское, Азовское...

Вот почему новосибирские реки, впадающие в Обь, называются «Тула» и «Ельцовка». И вот почему в Сибири так много сел, которые называются: Смоленское, Вяземка, Киевка, Гжатск, Славянки, Полтавка, Одесское, Азовское...

Почти нет такого населенного пункта в районах боевых действий Красной Армии, чтобы его двойника не было у нас в Сибири.

Наши Киевки, Азовки, Полтавки далеко от фронта. Но мы знаем, что судьба их решается в боях с немецким фашизмом. Судьба Оби решается на Буге, а судьба Красного проспекта Новосибирска — на проспектах Львова.

22 июля 1941 года, когда пробил грозный час новосибирцев, вместе со всем советским народом, встали на потную борьбу с врагом. Брайнными подвигами они широко прославились на фронте. Честь и славу нашего города они несут на острие штыков, пропитанных нашей ненавистью к врагу, на башнях танков, изогнутых изгибах сибирского металла.

На оборону родины встали не только новосибирцы-фронтовики. Мобилизовал себя и встал в строй сражающейся страны весь город. Воюя свою огромную индустриальную мощь, созданную и накопленную в годы сталинских пятилеток, он переключил с производства «мирной» продукции на производство вооружения и боеприпасов для Красной Армии.

Сотни станков, прибывших к нам с запада и юга страны, буквально через несколько недель стали давать боевую продукцию для фронта. Завод, где главным инженером тов. Рукавенков, прибыл к нам в ноябре 1941 года, а в декабре уже дал первые партии боеприпасов. Завод, где главным инженером тов. Афанасьев, через пятнадцать дней после прибытия вступил в строй и стал выполнять производственную программу.

За месяцы войны в городе развернулось огромное промышленное строительство. На улицах его и на окраинах в течение многих месяцев горели костры, подогревающие жаровни со строительным песком. А около костров лежали штабеля леса, кирпича, кучи цемента. И в то время, как строители закладывали фундаменты и возводили стены корпусов, монтажники ставили на место станки. На крышах еще копошились люди, на верхних этажах шла штукатурка стен, а в нижних включался ток и двигались и шумели станки. На улицах Новосибирска и на его окраинах поднялись высоко к небу десятки новых заводских труб.

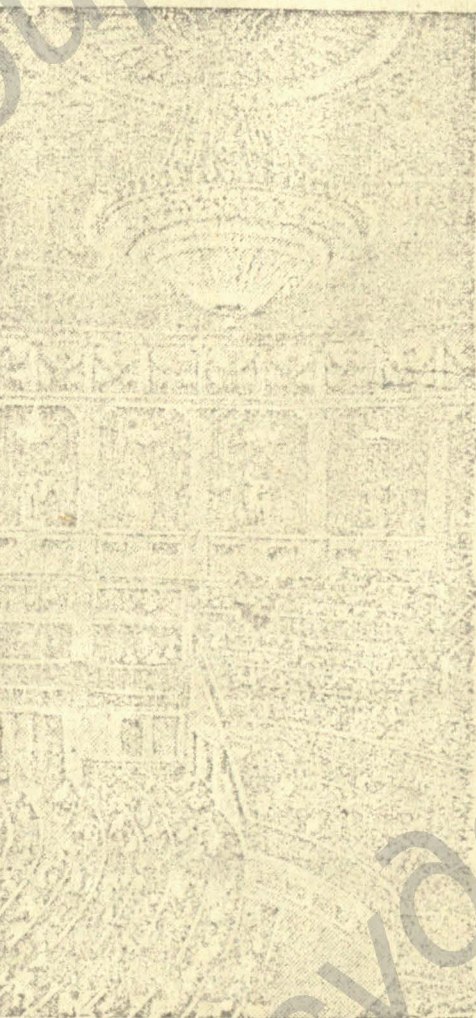
В город прехали тысячи людей, и живет в Новосибирске сейчас тесновато. Но споро, хорошо работает. И люди, приехавшие с разных концов страны, полюбили этот молодой гостеприимный город на Оби.

Каждый свой трудовой день город начинает под заводские гудки. И грозен для врага этот переклик гудков. Здесь, в глубине страны, на берегу многоводной Оби создана и работает крепость страны огромной, несокрушимой силы.

Не настало время называть цифры нашего военного производства. Но они колоссальны. Если бы зашла в наш город воинская часть огромной численности для боевого здесь снаряжения и оснащения, она, переходя от квартала к кварталу, вышла бы из города экипированной буквально всем, что ей нужно.

И все это было бы познанием, усовершенствованных образцов и все это было бы продукцией только одного дня!

Город на Оби участвует во всех боях, которые ведет наша доблестная Красная Армия. Пятидесятилетний юбилей свой он встречает в строю, как боец, сосредоточенным и подтянутым.

Оперный театр в Новосибирске (зрительный зал)

9859/5

23.10.1941

ИЗ РАССКАЗА
«ДЕНКА»
ХУДОНОВА

Наплотах

Сергей
Сартаков

Денка стала рассказывать:

— Ведь я как на сплав попала. Сами знаете, когда Леша на заводе работал, я все по дому хозяйничала. Любил он, чтобы было чисто да хорошо. И мне нравилось для него приготовить все вовремя и как следует. Придет с работы усталый, так чтобы дома поел вкусенько, отдохнул бы на мягком, на чистом, на промытой скамеечке посидел бы. Только о нем и забота была.

— А как ушел он на фронт и осталась я одна, стала подумывать: раньше работал он за меня и теперь за меня там воюет, а я для него ничего не делаю и ничем ему не легче оттого, что дома у меня все прибрано, помыто, поглажено. И шанежек горячих напеку, а есть все равно некому.

— Бабы тут стали всяко приспосабливаться: огород садить, по весне — дикий лук, черемшу собирать, осенью — грибы, ягоды. Кто посильнее — сено косить, рыбу ловить, в тайгу за орехами. Словом, все стали себя обеспечивать.

— Собирали в горсовете собрание, на работу на завод предлагали, все как-то бочком да в сторону, — непривычное дело домохозяйкам на завод идти. И меня уговорили: так я первую зиму дома и прожила. Леша мне пишет про трудные дела свои, про ночи бессонные, про дни боевые, про опасности да про подвиги и в конце все спрашивает: «Ну, а как у вас дела идут, как там без нас управляются?» Очень он к заводу привыкший был, душой за него болел и вот, однажды, прямо и пишет мне: «Денка, сходи на завод, узнай, как он работает, ничего я не слышу о нем. Кто там теперь на моем месте у рамы стоит?»

Пришла я на завод, в контору, к директору, показала письмо и говорю:

— Если полагается, товарищ директор, расскажите.

А он мне и говорит:

— Рассказать — это полагается. План завод за первый квартал не выполнил. Почему? Людей не хватало. Почему людей не хватало? Мужчины на фронт ушли, а женщины многие по домам отсиживаются, в лес по грибы ходят, чулки да кружева вяжут. Мужей любили, пока те дома были, а на бой пошли защищать родину и семьи свои — любовь-то и забылась, — бейся на смерть, муженек, а я дома понежусь.

— И к раме, вместо Алексея твоего, старика одного поставили. Три аварии старик сделал, — зрение у него плохое, бревна с железными скобами в раму пропускал, пилы обрывались.

— Обо всем этом рассказать полагается. А вот написать твоему мужу об этом и не знаю — полагается ли?

Сию я, слова молвить не могу: всю меня, как огнем, сжигает, от обиды кричать хочется, а понимаю, что правильно он говорит.

А директор опять:

— Если людей сейчас не наберем — лес не сплавим, на зиму завод вовсе остановим; бойцам на фронте еще тяжелее будет, зато вам крепче спать — гудок беспокоить не станет... Приходили некоторые на сплав наняться, да норма хлеба, говорят, мала, нет расчета работать. Это верно, какой расчет работать. Лучше эту норму получать и дома лежать. Или так еще: взять здесь, в тылу, норму прибавить, а бойцу на фронте — убавить. Дать ему сухарь один, а себе испечь мягкую шанежку. Бойцу что: он пулями да бомбами будет сыт.

— Как сказал он это, как сказал, так мне и представилось: сидит мой Леша в окопе голодный, сухарь грызет, кругом стрельба, снаряды рвутся, смерть по полю гуляет, а я дома за самоваром сижу, пью чай с горячими шанежками...

Как вскочу я, как закричу:

— Товарищ директор! Да почему же никто мне этого раньше не мог так, как вы, сказать? Почему я сама об этом не догадалась? Почему у меня только сейчас до сердца все дошло? Да не такие мы, как на деле это получается!..

— Как я встала, как по полю пошла, как дома на постель упала — ничего не помню. Стыд, один стыд кругом меня и возле меня. На занавески вышитые гляжу — стыдно мне, из печки жареным мясом пахнет — стыдно мне, на руки белые, мягкие посмотрю — стыдно мне, что лежу в мягкой постели — тоже стыдно. Поднялась и пошла по знакомым женщинам. Что я им говорила — не помню, только так говорила — откуда слова у меня взялись — и вместе плакали мы. Весь вечер ходила, а утром на завод — двадцать человек привела. Зашла к директору, говорю ему:

— Вот, товарищ директор, нас двадцать женщин, на сплав пошли — нас, дайте инструмент, дайте продукты, какие по норме полагается, если обувь есть — дайте, нет — не надо. Пусть кто-нибудь расскажет, что и как нам делать, только ни слова, ни одного слова по вчерашнему не говорите.

И свою, сама дрожу и думаю: вот скажет сейчас:

— А-а, поняла, таки!

А он просто так:

— Хорошо. А за вчерашнее — простите. Сгоряча наговорил лишнего.

И ни одного слова не сказал мне больше. Вызвал своего помощника, наказал ему, чтобы нас обеспечил всем, чем следует, и до утра домой отпустили. Ну, а потом мы и поехали.

— И так все лето, Женечка, на сплаве и работали?

— Так и работали. И ничего — план хорошо выполнили. Только ободрались все и в синяках целое лето ходили — женское тело все же нежное, к бревнам непривычное.

Потом, конечно, освоились и ушибаться меньше стали, а то все на бревна падали, очень они в воде скользкие.

Денка уставилась взглядом перед собой, видимо, вспоминая, как они ходили по скользким бревнам, боязливые, непривычные, как падали и больно ушибались, особенно о суковатые сутунки. Потом рассмеялась:

— Ведь мы каждые пять дней оборот делали, приплывим плот, домой наведемся, а там опять вверх заходим. А тут у нас что получилось. Поплыли мы с последним плотом, самый бросовый лес подобрали, зачистили, чтоб ничему не пропадать, да на косу и наплыли.

Первое-то время лодманом старик плавал с нами, а потом я привыкла к реке и сама стала плоты водить. Так наша бригада и получилась женская. И хорошо так привыкла я, одиннадцать плотов согнала самостоятельно и все благополучно. А тут ошиблась как-то — с прижима на повороте не отбилась в реку вовремя. Сели мы на косу. А уже холодно стало, руки забнут, в воду

пряником не заманишь. Пока мы капителились, смеркаться начало. Плот освободили, а куда поплывешь, когда ночь опустилась?

И вот небо вызвездилось, и морозить начало, и колочий такой ветер по реке потянул, а с полночи шуга пошла. Как ни легонькая первая шуга была, а натерло ее к плоту порядочно, все канаты, греби обмерзли и на плесе появились забереги. С утра давай лед обламывать, кое-как от берега отбились, — целый день на этом провели, а на середину реки вышли и видим, что плот ото льда стал тяжел на ходу, никак не направишь куда следует. И ветер по реке гуляет, волны расхлещились, плеснет на плот, сейчас же морозом охватит. Тут еще туча надвинулась, снег повалил. Из последних сил бьемся, а плот плывет по-своему. И опять наплыли мы на островок, — помните, тот, где Леша лес снесал, а мы с вами встречать его ходили?

Опять нас застигла ночь. И лодка с нами была — уплыть бы на завод можно, а мы подумали: утречком снимемся и поставим плот, где следует. А ночью такая шуга пошла, такая шуга, что ни на лодке и никак переплыть реку невозможно. И плот наш совсем затерло. Так и сидели около него и плакали четыре дня: и продукты все вышли, есть хочется, а нечего, и обидно, что все лето хорошо проплавали, а тут опозорились.

— Ну, и как же вы оттуда выбрались? — изумленно спросил я, вспоминая, какая плотная шуга шла по реке.

— А сегодня дожидчик пошел, шуга немножечко размякла, — спокойно ответила Денка, — мы и протискались.

— Это сегодня-то шуга помягче стала?

— Ну-да, она хотя и густая очень, но все-таки разбить ее можно, а ведь в те дни была, как железная! Так бы все ничего, да боязно — лодку могло разрезать.

Я подумал: похвалить мне ее или не похвалить за то трудное, что она азяла на себя и так хорошо ододела. В конце концов, один посаженный на мель плот и то вблизи, откуда бревна зимой можно вывезти на лошадях — это сущие пустяки. Нр, вспоминая, как Денка боялась, чтобы директор не намекнул ей, что она пришла на завод только потому, что он ее усовестил, я решил не говорить ей и похвальных слов — она исполняла свой долг и понимала это. Сказать спасибо — хорошо, а похвалить — будет приторно.

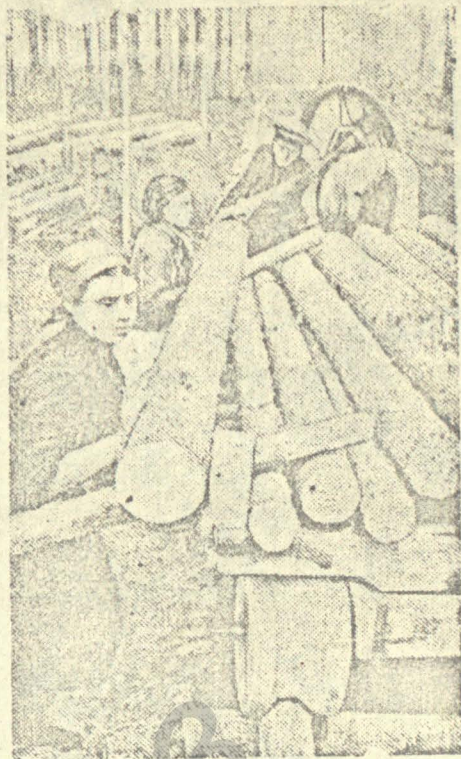
Я стал прощаться. Надел шимель и только теперь вспомнил, что не передал привет от капитана Воронцова и что-то наскоро пробормотал. Надо было идти немедленно, сию же минуту. Я протянул руку Денке, она всплакнула. Вдруг вошла бабушка с узелком, Денка тут же сунула его мне в руку.

— Бегите, бегите, — сказала она, — не опоздаете. Здесь яичек свеженьких я вам на дорожку достала. Ну, прощайте.

— До свиданья, Женечка, до свиданья, дорогой мой сплавщик! Не горюй о неудачах, в жизни все случается.

И я еще секунду задержался на пороге.

— Прощайте, — махнула Денка рукой. И вдруг с упреком сказала: «А я думала, что вы меня за сплав все-таки похвалите».

Колхозницы сельхозартели «Общий труд» Мошковского района (Мошковский леспроектор), М. К. Бусарова и В. М. Гришанина на погрузке делового леса перемышляют норму выработки. На снимке: момент погрузки леса на тележку круглолезной дороги.

ПАПЕ

Мама мне не разрешает
Без нее ходить к домам.
Главная-преобладающая
Карта есть — я видел сам!

Есть на карте той кружочка.
А в кружочках — по флажочку.
Только рядом у кружков
Почему-то нет флажков.

Я тогда спросил у мамы:
— Почему у этих самых
Самых крайних кружков
Нет красных флажков?

Мама пальцем показала
На кружочки и сказала:
Когда их увидишь там —
Возвратится папа к нам.

Только я не знаю толком:
Папа, почему так долго?
Я вот этим городам
Все флажки наделал сам.

Только мне не дотянуться...
А мы лесенку найдем!..
Папа, обещай вернуться —
Мы тебя все время ждем.

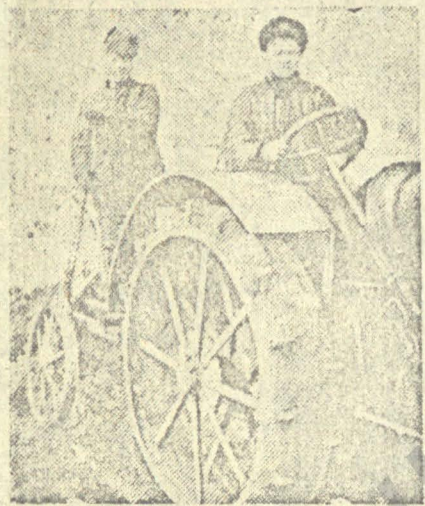
В. ФЕДОРОВ.

—

Зверобой

Зверобой — охотник знатный
Жил в тайге за Барабой.
Из себя был парень статный
Самовитый сам собой.
Вот каков был зверобой!
Песни пел, ловушки лаил.
Шел кремнистою тропой.
Из глухой туманной доли
Полымя медведя в бой.
Вот каков был зверобой!
Про него кричали птицы
В кедраче наперобой.
Разговор вели лесичи.
Рокотал Обской прибой.
Вот каков был зверобой.
В теле чести не лукавил.
Не пропал врагу разбой.
Этот он свой полк прославил
Меткой снайперской стрельбой.
Вот каков был зверобой!
Этот он в рядах пехоты
Под свинцовый градобой
Вражий «Титр» загнал в болото.
Лоб спалил ему тупой.
Вот каков был зверобой!
Про него звенят криницы
Под украинской вербой.
Про него поют лавицы
За раздольной Барабой.
Вот каков наш зверобой!

Лес КОНДЫРЕВ.

Бригада Квашина, Новой МТС, Ку-
тинского района, в соревновании трак-
торных бригад заняла первое место.

На снимке: тракторист Василий
Квашин на паровозике.

ВЕСНА

В Сибири мы любим весну,
Ее неоглядную волю!

Есть где разгуляться веслу
И где погулять пароходу.

Пойдет, как широкой Невой
Балтийская ходит эскадра,
Есть что погрузить на него
Для фронта и Ленинграда.

Есть, золото хлеба и мех,
Что дымчатые сделали зымы,
Корнашевских кедров орех
И жирная пельма Нарыма.

И лес корабельный и в нем,
Свеженим пылью морозной,
Вьют в небе, как сокол крылом,
Ветвины агитосны.

Возьмут этот ценный багаж
С песчаной косы, поберезной
Травки доборных барж
Из рук отрубелых и нежных.

Те руки — не наших ли жен?
Смешанный не будет, как будто,
Герои, чей штык отражен
Взволнованным зеркалом Прута.

Иль это, на голос Днепра:
Победно звенящий в эфире,
Победами второй сестра
У больших побережий Сибири.

Никандр Алексеев.

Песня сибирских комсомольцев

В боях наша песня мужала
Про наш комсомольский народ.
В ней рокот седого Байкала,
В ней снайперской пули полет.

Звучит в ней зазор молодежный
Преславленных тысячу крат
Наших таскных, наших надежных
Бывалых сибирских ребят.

Мы дрались у стен Сталинграда
Под смелую песню свою,
Мы с нею разны без пощады
Врага в Белорусском краю.

Звучит в ней зазор молодежный
Преславленных тысячу крат
Наших таскных, наших надежных
Бывалых сибирских ребят.

Домая преграды и беды,
Без усталости ночью и днем,
В заботах оружие победы
Мы с атою песней куем.

Звучит в ней зазор молодежный
Преславленных тысячу крат
Наших таскных, наших надежных
Бывалых сибирских ребят.

В долине родного Чемаля
Гудят эту песню провода,
Покорны ей ветры и скалы,
Железо, огонь и вода.

Звучит в ней зазор молодежный
Преславленных тысячу крат
Наших таскных, наших надежных
Бывалых сибирских ребят.

Лев Кондырев.

В П О Л Я Х

Рокья прела дружно.

Зеленовато-синяя и густая, она напоминала море рассвета. Вольный ветер гулял на мягких ее просторах и как в морской воде, то там, то здесь на секунду выныривал колышущийся впадины, изредка вскидывал пенные гребни приливов. Усатые колобки, шаловливо обжигаясь, роптали скромные сережки желтоцветных ивоты. В тихом шесте их слышалась песенная хвала трудолюбивым людям, ласковому солнышку и широким облакам.

Поле — из конца в конец — прорезано узенькой дорожкой. Она напоминала ненадежную песчаную косу в море. И с той и с другой стороны набегали потрескивающие волны, ежились гребнями и на минуту — две погребали дорожку в зеленой пучине.

По дорожке мчалась всадинца. Волны билась о шею рослой гнетой кобылицы, о бедра всадинцы из-заказов, готовые были поглотить ее навсегда. Но лошадь делала новый резкий выдох вперед и вверх, и над поверхностью ржаного моря вымывала косматая вороная грива. Колыхалась толстая косынка на голове женщины и прощально мелькала кофточка.

Остановив коня на бугре, женщина окинула поде хозяйским глазом — ни коня, ни краю.

— Ух, как волно тут! — вырвались у нее восторженные слова и выиг потонули в дружном шесте колобков. — И одной тут даже страшно!

Касатка вскинула голову, чтоб не захлебнуться. Колосья легли на ее потную холку, на дуку седла. Женщина, как рыбку, положила на сомкнутые ладони цветущий колос — усатая голова его торчала в воздухе.

— Налетят зерном, как свинцом, — будет страшно, — сказала она, думая о приближающейся страде. — Как скрестить ее, матушину, во-время? На чем зерно, с поля вывезти?!

Живой колос, трепещущий, возмущаясь с ладоней, мелькнул в воздухе и нырнул в набегавшую волну.

— Вот так богатство, может, проспать между пальцами, — подумала, — почвалявшаяся хозяйка. — А везти так жалко, наежусь...

Она тронула повод и кобылицу брехала вперед. Через полчаса выехала ее и увалу, на котором шумела береговая роща. Женщина спешилась с лошадью на-валериста, прошла по склону. В резной травке яркими бусами поблескивали клубника. Женщина наклонилась, подобрала полную горсть, попробовала. Ягоды были сочные, вкусные и наивкусней ароматные.

— Надо послать девочек, пусть наберут побольше, — решила она. — Сварим варенье на меду. Пошлем нашим на фронт. Попробуют — узнают, какое щедрее нынче лето в родном краю.

У опушки рощи зеленел який цук-сизун. Она сорвала несколько пучков для Дарьи Афанасьевны, — свекровь любила сизун и давно просила привезти.

За рощей, у озера стоял табор позавчера перекочевавшего сюда таежного отряда. На паровом поле работало несколько тракторов. Поле выглядело полосатым, как те шерстяные половики, что расстилают в горницах.

У деревянного выгончика грелась на солнышке ярая девка, повараха Лепя трепыхала на балалайке.

Я на пенке сижу,
Нитки сматываю.
Что ни день — трудовень
Зарабатываю.

— И много ты наматала? — сурово спросила женщина, осаживая кобылицу у самых ног поварахи.

Девушка вскрикнула, выронила балалайку. Шербины на ее лице залились краской.

— Видать птицу по полету: рано встала да мало наярала. — Женщина спрыгнула на землю, ногой поворочила ветки и мусор возле песенки. — Помести назо.

— Это дело, Марфа Игнатьевна, по моему, — огрызнувшая оселевшая повараха. — Мне за то трудовый не пишут.

— А за то, чтобы платок на башке поправить, тебе тоже трудовый писать? — Марфа Игнатьевна подергала за уголок серую косынку, сбившуюся на одно ухо. — Девушка!.. Не стыдно тебе?.. Подмести неметленно.

Афанасий
Коптелов

— Да у нас и метлы нет.

— Береза рялом — наломай веток.

Когда ветки были наломаны и очищены от листьев Марфа Игнатьевна связала из них метлу и надела на черенок.

— Каждый день подметаю!

Заглатнула в котел, всовывая на трехногую табане над погасшим костром, попросила пробу. Повараха вымыла руки, зачерпнула полный черпак и надела в тарелку.

— Суп без мяса наварен. — сказал девушка виноватым тоном. — Сало не изжарила, как я его отнесла брошу.

— Куда бросаешь? Собакам?

— Пошто собакам? Оно не прокисло. В котел сину.

Марфа Игнатьевна встала до рассвета, в поле выехала, не позавтрадав, и теперь готова была спорожить тарелку какой угодно бурдой, но, отхлебнув ложку, она сдержалась и отставила суп.

— Луз есть?

Повараха сказала, что на огороде ехаты далеко — жалко коня гонять.

— А сизун у тебя рялом. Взяла бы да и заменила.

Девушка удивленно посмотрела на председателя.

— Раздуйвай костер, — командовала Марфа Игнатьевна. — Не телятам готовить, а людям.

Она достала сизун, затушила на сковороде, полила салом и заправила суп.

Пришли трактористки, ахнули.

— Ленка, ты сегодня именинница? Чего-то какая кофточка! И в котле не помой, а суп — ух, да еще повараха!

За столом Марфа Игнатьевна сказала трактористкам, что черенки для метел будут производными принадлежностями, кто перемывал план, получат карманные флажки. А в конце пахоты поощряться пахотными премиями.

От трактористок она отошла на сенокос. В пути ее застали дождик. Она отгадала Касатку под берегой, обняла нежный белый ствол, как шею близкого. Береза прикрыла ее ладонью, полкой своей зеленой бурки. Женщина сорвала мокрый листок и приложила к щеке, гладкий и нежный; кожу его взяла в зубы и передвигала из одного угла рта в другой. Для колхоза наступала самая тяжелая пора: скоро созреет рожь, а луга еще не скошены и стога сматано совсем мало. Нужны покосы, явные луга, а тут, как паводок, перепадают дожди. Такое хороши в мае — всходы полыхать, а теперь — зима — зима — зима.

Бурка где-то продрогивалась, и по троструйной потекла вода. Затем упали капли на лицо, на руки, повлажневшая кофточка стала прилипать к телу: Марфа Игнатьевна поняла — дождик пошел, и береза отряхивается, прихорашивается. Она погнула кобылицу и, вынырнув из-под густых ветвей, поехала по лугу.

Игн. Рождественский

ПУТИНА

Рыбачкой пухавы резкая сирена
Открыто завыва в тишине.
На диком камне остывает пеня,
Вдыхая о котловине-волне.

Заброшен невол в сумрачные воды
Седой прилив колышет поплавок.
Дыхание близкой змийной непогоды
Окутало туманами провал.

Нам руки жмет веревка побуждая,
Хрустит под брозном льдистая кора.
Мы лозим рыбу, устали не зная,
Мы на нотах с утра и до утра.

Плывет луна над гребнями бурны
Блестят ладона в скользяем
— серебре.

Ушла на юг загруженная шхуна,
Она опять вернется на заре.

ОТРЫВОК
ИЗ
РОМАНА

Лесток березы держала в зубах. Он развевался на ветру и приятно шелестал ей пушистую щеку.

Дожде ушел, из-за тучки, выскочила солнышко, и на траве и цветах остляками выпрыгнули крупные капли воды.

Сенокосная бригада укрылась в шалапах. Бригадир, заслышав топот, выскочил взглянуть — на сбегал ли конь с водокупшей.

Марфа Игнатьевна ползала к старика, спешилась, поздоровалась, пожала жесткую руку с кривыми, хватными пальцами.

Старик ухмылялся в расклевываемые усы.

— Свят, свят!.. Да ты откол вылезла.

Игнатьевна? Тебя и дождик по держит.

— Дожде давно прошел.

— Ну?!

— продолжал улыбаться старик. — А у меня, впрямь, на бороде еще не высох он, дождик.

Приподнял бороду тыльной стороной ладони. — посмотри, неслетелась, убедись.

— Стог, я видела, не успела завершить. Надо заканчивать да новый начинать.

Женщины и подростки вышли из шалап, окружили их. Старик посмотрел на председателя прищуренными глазами, спрятавшими глубоко под косматыми бровями, как бы выходя на спор — ну, мейшь ты спорить со мной? Сказала затравка.

— Мокрое сено метать, как в наездника.

И все заговорили, что день уже клонится к вечеру, что сено надо не прохит и лучше отпустить людей домой: отдохнут — завтра больше сработают.

Марфа Игнатьевна, утикнув руки в бока, спросила вост:

— А на фронте, как вы думаете, в дождь не воевать? — и повернулась к бригадире. — Ну-ка ответь, Антон Васильевич. Как там твой Топфон? Дожде пошел — пождик демья битый. Так что ж? Пусть демья прохитит?

— Сено с войной ругать нельзя. Оно же сено, а не войну. Как же, немцы, наступить сено — спросил бригадир и, выслушав, замахнул в шалап, прохитившись. — Ты теперь выходишь?

— Пока бы не воевать — котловина сено похитит, — сказала Марфа Игнатьевна с явным замечательством.

— Какая ты быстрая, Игнатьевна! Не говоришь не то.

Марфа Игнатьевна вспомнила, как она укрывалась под зеленой буркой березы и как отряхивалась деревца после дождика.

— Березки уже сухие.

— Они нам ни к чему, — сказала старик и насторожился.

— А вы нарубите березок побольше. А еще лучше осинки. — они дождикее. Да в стог и положите.

Бригадир опустил голову и стал мять жесткую бородавку. Бабы замолчали. Только один мальчишка пропихивал:

— Это ведь заправленный стог, а поигрушка.

Марфа Игнатьевна продолжала:

— Слой сена, а на него — слой веток, потом опять — сено. Березки ветерок замаят — пей неужную влагу. И сено будет сухое. Марфа Игнатьевна тронула старика за плечо. — Так, Антон Васильевич?

— Эх! — сказал старик. — Лошадь ты у нас, председательша.

— Теперь скажи, — наступала Марфа Игнатьевна. — при всей бригаде скажи, почему ты сам не предложил этого старинного способа? А даже оспаривал — нельзя метать.

— А может и предложил бы. Ты почему знаешь?

— Так в чем же дело? Чего ты ждал?

— Ну и приличная ты, Игнатьевна. От тебя, впрямь, не отвязнешься. Прямо тебе ответ дам: уверюсь в тебе хотел. Напрямую же — баба в председателих. Теперь вижу, голова у тебя ясная, не пустая и рука твердая. Умеешь, кроме этого, — кинула на Касатку, другие попольза дергать.

Бабы брали вилы, грабли и направлялись к стогам.

Марфа Игнатьевна пошла на Касатку. Шурку Чибисова и сказала, чтобы он отъехал все поля, все поля колхозников и сказал старухам — пусть в сумерки сбегутся в контору. А сено вала больше стогометные вилы и вместе с женщинами пошла к стогам.

Величественный заводской знамя с кайлой и лопатой

ЦИКЛ

Из истории сибирских войск

★ ★ ★

Это были неповторимые сутки. Они являлись незадолго до голубого январского рассвета. В несбыденный этот час парторг ЦК ВКП(б) пришел в цеха, к рабочим.

Разговор велся о коленчатых валах для тракторов. Сказано было все просто: сумеем сделать валы — многие сотни тракторов, выбывших из строя, выйдут весной снова на колхозные сибирские поля.

Слова ложились по прямой, — от сердца к сердцу. Все промежуточное было отброшено.

Ночь на исходе, багровые отсветы горев криво падали на суровые лица кузнецов. Это им предстояло начать величественный заводской цикл, в который дальше вовлекались фрезеровщики, токари, технологи, конструкторы. Было издано постановление. Задача казалась неразрешимой, но ее надо было разрешить.

При дневном свете в спокойных кабинетах такая постановка вопроса вызвала «хорошо обоснованные» протесты:

— Выполнить этот заказ абсолютно невозможно!

— Да, да! Ибо жизнь все-таки не волшебная сказка. Для штамповки коленчатых валов требуется молот мощностью, а два раза превышающей то, что есть у наших кузнецов.

— Для обрезки обоя требуется пресс такой мощности, какая нам и не снилась. Нет сложнейшего оборудования для отбалансировки валов! Нет токарных станков с потребной высотой центров! Нет...

Десятки этих «нет». Пятнадцать. Двадцать... И за каждым — устрашающие цифры. Что можно было им противопоставить? Возмущенные лица, жесты, сверкающие творческим воодушевлением глаза рабочих, инженеров, мастеров, с которыми парторг беседовал в цехах перед рассветом?

Таков был начальный этап цикла. К вечеру картина начала меняться. Творческая мысль лучших людей завода перекрывала нехватку производственных мощностей. Весь день не прекращалась напряженная работа. Выявлялись резервы, шла предварительная разработка технологического процесса, глубоко вreshивалась и продумывалась организационная структура нового для предприятия производства, детали его технической оснастки.

Каждый проверял прочность слова, которое собирался дать. Никакой опростовашности. Люди были полны торжественной серьезности и высокого волнения, — их большевистским крепким словом сегодня решалась судьба многих сотен тракторов.

И к исходу суток пришли кузнецы к своему парторгу и скромно сказали:

— Коленчатые валы, Алексей Андреевич, откуси!

Потом пришли токари, технологи, конструкторы, слесари, фрезеровщики, строгальщики. И они сказали то же:

— Коленчатые валы сделаем!

В этих скупых, прекрасных словах слышался мягкий шест сотен тысяч гектаров вспахиваемой земли, шуршание созревающих колосьев на безграничных колхозных полях Сибири.

И за словами этими последовало дело.

Потребовалась бы большая книга, чтобы описать самоотверженность, изобретательность, настойчивость, смелость, неутомимость, ум и смекалку, предприимчивость и техническую опытность, вложенные в освоение производства коленчатых валов.

Десятки фамилий и за любой из них — замечательный человек. Работа каждого — героическая повесть. Их очень много, но у них всех есть одно общее имя, — славный коллектив Сибметаллострой.

Они сделали многие сотни коленчатых валов и многие сотни оживших тракторов вышли этой весной на колхозные поля и вспахали бескрайние пространства земли, над которой сегодня жаркий июльский ветерок пронесит золотой шест созревающих колосьев сибирского урожая победы.

Ник. ВОСКРЕСЕНСКИЙ.

Шлифовальщица Новосибирского инструментального завода комсомолец-трехсотница Маруся Журавлева. За отличную работу Нарком станкостроения наградил Марусю аттестатом отличника.

Мать-героиня

★ ★ ★

Через Ельцовский бор проходит узкая улочка новосибирской окраины. Низенькие, деревянные домики окружены здесь вековыми соснами. На каждом домике — название улицы:

— 2-я Ельцовка.

Дом номер 72 ничем не отличается от других. Добротно сложены его бревна руками сибиряка-плотника. И на тихой улочке городской окраины домик этот всегда выделялся необычайной приметой: было в нем много детишек, много веселья и детского, резвого смеха.

Хозяйка этого дома — Евдокия Семеновна Корниенко — русская женщина-мать, вскормившая и воспитавшая 6 сыновей и 5 дочерей.

Старший сын — Петр родился в 1914 году, за ним пошли Павел, Михаил, Иван, и Николай. Росли сыновья крепкими, здоровыми. Стали на ноги, вышли из родного дома и смело вступили в жизнь. Были они токарями, слесарями — рабочим людям.

В тяжелый час военного 1941 года они собрались у матери. Молча каждый прощался и мать, стоя на пороге, провожала их:

— Иди, Петр! — сказала Евдокия Семеновна, старшему.

— Иди, Павел! — и второй ушел.

— Иди, Михаил, прощай Иван!

И пришла очередь младшему. — Братя тебе путь укажут! Так пять братьев пошли отстаивать грудью честь и славу любимой Родины.

Два сына Евдокии Семеновны, Михаил и Николай, отважно сражались и крепко стояли на Сталинградской и Ленинградской земле. Они награждены медалями за оборону Сталинграда и Ленинграда.

А 28 августа 1941 года Евдокия Семеновна провожала мужа на фронт.

В этот день у Евдокии Семеновны ро-

дилась дочь — Галина — одиннадцатый ребенок.

Маленькой Галине сейчас три года. Она не знает своего отца, своих братьев.

Но когда приходит письмо с фронта, Галина берет его маленькими ручками и весело повторяет, приплясывая:

— Пала, пала!

Воины-сибиряки. Корниенки! Ждут вас с победой, ждут вас с любовью жена и мать, братишки и сестренки вашей шумной и веселой семьи в маленьком домике на новосибирской окраине.

З. КОГАН.

Перед вами — советская женщина-мать, вскормившая 11 сыновей и дочерей.

Самому старшему, Петру — 30 лет. Сакой младшей дочери, Галочке, что сидит на руках у матери, — три года. Пять сыновей Евдокии Семеновны Корниенко сражаются на фронте.

Девочки и мальчик Вася, которые на вас смотрят со смущением, живут дома.

На воспитание детей Евдокия Семеновна получает от государства ежегодно по 3 тысячи рублей.

Но полк стоял, защищая вверенную ему позицию, и знамя с кайлой и лопатой развевалось над томичами и звало к борьбе.

Знаменосец полка унтер-офицер Старищев получил девять ран. Изнемогая от потери крови, теряя сознание, он все же успел сорвать с древка сибирское знамя, спрятать за пазуху. Французские кавалеристы поволокли его в плен, не замечая, что при нем было знамя.

В плену Старищев прожил недолго. Раны оказались смертельными. Видя приближение смерти, позвал он к себе тоже раненого и взятого в плен рядового Чуйку, сказал ему:

— Честью тебя прошу: сбереги ты знамя, найди окозину, передай нашим.

Чуйка поклялся выполнить этот завет. Старищев умер спокойно. Знамя было передано Чуйкой русскому офицеру, уезжавшему домой при размене пленными.

Томское знамя не попало врагу, вернулось в свой полк.

Высоко реяло это знамя и над Бородинским полем в 1812 году, когда Томский полк в составе знаменитой 24-й дивизии генерала Лихачева защищал батарею Раевского. Рядом с ним развевались знамена других сибирских полков: 19-го и 40-го егерских, Ширванского, Бутырского. Две трети дивизии погибли на валах батареи, но ни одно знамя не досталось врагу.

23 февраля 1814 года разыгралась битва при Кроне. Историки называют этот день днем славы русской пехоты. Высокая преданность своему долгу, преданность, отличившая Старищова и Чуйку, была широко проявлена сибирскими полками.

Корпус генерала Воронцова сражался против французских войск, превосходящих его численно в несколько раз и руководимых самим Наполеоном. У русских было 48 пушек, у французов — 100. Но, как говорит Воронцов в своем донесении, «мне не оставалось ничего другого, как только удивляться нашей артиллерии и радоваться истреблению, которое она наносила врагам».

Наполеон пытался подавить огонь русских пушек нежной тысячей жизней своих солдат. Он бросал и бросал свои полки прямо на наши батареи. Французов было так много, что на одну минуту русская конная артиллерия оказалась в их руках. Это могло решить исход боя, но тут опять сибиряки проявили свою исконную доблесть. Только один Ширванский полк и с ним батальон 19-го егерского стремительно ринулись в штыки, молодецким ударом отбили пушки. И снова захотели русские орудия, неся врагам неизбежный конец.

Вот она, сибирская удача! Бутырский полк (один из самых старинных полков русской армии, основанный еще при царе Алексее Михайловиче, долго стоявший в Сибири и укомплектованный сибиряками перед началом войны с Наполеоном) ходил в штыки на французскую конницу и обращал ее в бегство.

Командиры сибирских частей показали в этот день исключительные примеры стойкости и героизма. Генерал-майор Помест, искалеченный в предыдущих битвах, на костылях стоял перед своей бригадой (Бутыркин и Ширванский полками). Получив дважды приказание отступить, он отвечал, что решил умереть и не отойдет ни шагу.

Ширванский полк (также один из стариннейших, охранявший южную границу Сибири с 1745 года до войны с Наполеоном, укомплектованный сибиряками) не хотел отступать.

Рядовые гренадеры-ширванцы пролили командующего линией позволить полку взять французскую батарею.

— С богом! — ответил генерал Лаптев и повел их сам.

Патроны у ширванцев кончились. Три раза при барабанном бое промывали они штыком и прикладом дорогу сквозь густые массы многочисленной французской конницы.

Так добивали раненого зверя наши предки-сибиряки. И добились с честью. Скоро знамена русских войск, в том числе сибирских, завили над Парижем.

Заветы старых бойцов-сибиряков близки и дороги нам. И так же, как Наполеона, добьют сибиряки фашистского хищника в его черном логове.

А. МИСЮРЕВ.

Три года симфонической музыки

Третья годовщина Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками совпала с завершением третьего сезона симфонических концертов Ленинградской Государственной филармонии в Новосибирске. С величайшим напряжением всех своих творческих сил, неустанно памятуя о той высокой ответственности перед народом и страной, которую возложила на советских работников искусства работа в суровых условиях Отечественной войны, развертывал свою деятельность в Сибири заслуженный коллектив РСФСР — симфонический оркестр Ленинградской филармонии.

Оркестр этот принадлежит к числу лучших симфонических коллективов. В его состав входят заслуженные деятели искусства и заслуженные артисты республики, профессора и доценты консерватории, лауреаты и дипломанты Всесоюзных музыкальных конкурсов.

Естественно, что сравнительно длительное пребывание такого оркестра в Новосибирске имеет все основания составить одну из самых содержательных страниц истории музыкальной жизни Сибири. Этому способствовало то обстоятельство, что центральной задачей, поставленной перед собой руководством Ленинградской филармонии по прибытии ее в Новосибирск, было — полностью сохранить высокий уровень симфонической культуры. Это отнюдь не и к исполнительскому мастерству коллектива и к репертуарному плану его деятельности.

В отношении репертуара основной упор был сделан на развернутый показ лучших произведений мирового классического — и, в первую очередь, русского — музыкального наследия, а также наиболее значительных произведений советской музыки. Уже в течение первых трех месяцев первого новосибирского сезона (октябрь, ноябрь, декабрь 1941 г.) состоялось 18 исполнений произведений Глинки, 32 — Чайковского, 13 — Рихтера, 13 — Прокофьева, 13 — Мясковского, 13 — Шостаковича, 13 — Хачатуряна, 13 — Бетховена, 13 — Моцарта и др. артисты, включая редко исполняемые произведения классиков (например, увертюру Рубинштейна «Дон-Кихот» или оперу Глинка «Иван Сусанин»). Трижды были исполнены симфонии Шостаковича, столько же раз — симфонии Шервалье, дважды — симфонии Мясковского и другие произведения советских композиторов.

С 1942 года в помощь слушателям симфонических концертов был организован при филармонии лекторий по вопросам искусства.

Симфонические концерты сразу же завоевали широкую популярность у новосибирского слушателя. Потребность в них оказалась настолько велика, что пришлось организовать циклы выездных концертов в окрестном Доме Красной Армии, в филармонии, открытом в сезоне 1942—43 гг. в Кировском районе, клубе завода имени Чкалова. Систематически выступал оркестр и в концертах Новосибирского радиокомитета, приобщая к высокой музыкальной культуре миллионы радиослушателей-сибиряков.

За истекшие три года в концертах оркестра Лен. Гос. филармонии особенно широко была представлена классическая русская симфоническая музыка.

Неоднократно исполнялись и произведения крупнейших советских композиторов — Прокофьева, Мясковского, Шостаковича, Хачатуряна, Щербачева, Глинка, Кабалевского и др. Следует отметить развернутый показ творчества Шостаковича, представленного 1, 5, 6, 7 и 8-й симфониями и мелкими произведениями, при чем 5-я симфония исполнялась 7 раз, а 7-я — 8 раз. Нельзя не упомянуть об исполнении сочинений новосибирских композиторов Новикова, Локшина, Фельдмана.

Западно-европейская музыкальная классика нашла всестороннее отражение в программах симфонических концертов Лен.

Гос. филармонии. Новосибирские слушатели ознакомились со всеми симфониями (кроме девятой, исполнению которой препятствует отсутствие хора) и увертюрами Бетховена, всеми увертюрами Вебера, всеми симфониями Брамса, симфониями Шумана и Мендельсона, увертюрами и симфониями Берлиоза, симфоническими поэмами Листа.

Весьма полно была представлена новая французская музыка от Франка до наших дней.

Существенным разделом симфонических программ явились инструментальные концерты с оркестром.

Особое место в работе филармонии занимали оперы в концертном исполнении. Учитывая горячие симпатии трудящихся Новосибирска к этому жанру с одной стороны и отсутствие в городе действующего оперного театра — с другой, руководство филармонии включило в репертуарный план ряд опер русских и западно-европейских композиторов. Оперы исполнялись полностью (за вычетом хоровых эпизодов), либо в более или менее значительных извлечениях. Так были показаны слушателям великие творения Глинки «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила», «Князь Игорь» Бородина, «Царская невеста» Римского-Корсакова, «Евгений Онегин» и «Юланта» Чайковского, «Кармен» Бизе, «Фауст» Гуно, «Травиата» Верди, «Богем» и «Мадам Баттерфляй» Пуччини. В осуществлении этих работ не малую роль сыграло концертное бюро филармонии (объединение солистов различных жанров), болевшая и полезная деятельность которого заслуживает особого освещения.

Помимо систематических плановых концертов оркестра (как правило, симфонические концерты давались три раза в неделю) за истекшие три сезона трижды были организованы циклы («лекции») концертов советской музыки, специальный обширный цикл русской музыки, в 1943 году в ознаменование 50-летия со дня смерти Чайковского — «месячник» из его произведений, в 1944 г. — юбилейный цикл из произведений Римского-Корсакова (к 100-летию со дня рождения).

За время своего пребывания в Новосибирске симфонический оркестр Ленинградской Государственной филармонии совершил несколько гастрольных поездок по

Сибири, Алтайскому краю, Средней Азии. Из городов Сибири оркестр побывал в Омске, где выступал в течение месяца, в Томске, Кемерове, Ленинске-Кузнецком, Прокопьевске и Сталинске. Повсюду симфоническая музыка привлекала обширную, горячо заинтересованную аудиторию. Восторженный прием шахтеров и металлургов Кузбасса — одна из ярких страниц в истории оркестра Ленинградской филармонии.

Немалую роль в усилении интереса к симфонической музыке сыграла культурно-массовая работа вокруг концертов: развернутое выступительное слово, аннотации к программам, организация стенда с литературой по поводу исполняемых произведений, выставки, посвященные жизни и творчеству отдельных композиторов, консультации в фойе и т. п.

Дирижерами симфонических концертов выступали лауреат Всесоюзного конкурса дирижеров, заслуж. артист РСФСР Е. А. Мравинский, К. И. Зандерлинг, Н. С. Рабинович, лауреат Всесоюзного конкурса дирижеров М. И. Паверман, заслуж. арт. Каз. ССР Н. Н. Шкаровский, А. Л. Ставский, А. А. Пономаренко, В. Р. Столлер.

Для участия в симфонических концертах руководством Ленинградской Государственной филармонии привлекались как солисты концертного бюро филармонии, так и гастролеры.

Именно этот высокий художественный уровень исполнительской культуры, позволивший полностью достичь и глубоко раскрыть перед слушателями-сибиряками бесценную сокровищницу музыкального гения человечества, воплощенного в творениях великих мастеров симфонизма, составлял отличительную черту концертов оркестра Ленинградской филармонии. В этом сказались не только высокая традиция выдающегося симфонического коллектива, но и горячее желание его выразить свою художественную благодарность восприимчивому Новосибирску, радужной Сибири, ставшей вторым домом для ленинградских музыкантов, благодарности мужественным твердыням тыла — сибирякам, детям, и ночью куютим оружие для окончательного разгрома немецкого арта нации Гитлера.

Ю. ВАЙНКО.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

ОПЕРНЫЙ ТЕАТР

В центре Новосибирска, на площади имени Сталина, возвышается монументальное здание Государственного театра оперы и балета.

Сейчас формируются труппы театра. Из молодежи новосибирских предприятий и школ созданы балетная и хоровая студии, которые уже ведут занятия.

В репертуарном плане оперного театра — лучшие творения русской классики и выдающиеся оперы западных композиторов.

ТЕАТР «КРАСНЫЙ ФАКЕЛ»

С большим успехом прошли спектакли Новосибирского областного драматического театра «Красный факел» в Кировском районе города.

В ближайшее время театр «Красный факел» вернется в свое старое помещение. К открытию нового сезона готовится ряд постановок. Пьесу об Иоанне Грозном — «Великий государь» ставит режиссер В. Дени. Вера Редких готовит постановку пьесы А. Бруштейн «Тристан и Изольда». Героическую пьесу «Расклевало море широко» В. Вишневского покажет театр в новом сезоне в постановке Н. М. Коростылева.

В репертуарном плане — пьеса Чепурина «Сталинградцы» в постановке А. Дикого.

ГОРОД НА СЕВЕРЕ

Фронтники-нарымчане не узнают по возвращении домой своего окружного центра — гор. Колпашево. За годы войны далекий северный город изменил свое лицо. Появились новые кварталы, улицы. На бывших пустырях ныне стоят высокие, благоустроенные дома. В текущем году в городе строится новый театр на 700 мест. Дом актера из тридцати квартир, 75 стандартных жилых домов для разных предприятий и учреждений.

НОВЫЙ ТЕАТР

Новосибирск обогатился новым театром. Городской драматический — назван молодой театр, выросший из студии под руководством заст. артиста Гайдарова.

Недавно молодой творческий коллектив показал городской общественности свою первую работу — пьесу «Домик в Черкызове» А. Арбузова.

ДЕТСКАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

Сотни детей бьются ежедневно в шумном, светлом доме № 3 по Нарымской улице в Новосибирске.

Здесь помещается детская техническая станция. За несколько лет лаборатория и кабинеты этой станции воспитали немало специалистов разных квалификаций, привили им любовь к новой профессии. С большим интересом и увлечением дети осваивают здесь специальности: киномехаников, трактористов, телеграфистов, агрономов.

Когда любознательный школьник Марченко пришел впервые на детскую станцию, он даже чуть растерялся. Здесь узнал, чем он интересуется. А он издавна мечтал стать электри-

ком. Детская техническая станция дала ему путевку в жизнь. Он стал замечательным энергетиком и сейчас работает по своей специальности в рядах Красной Армии.

Сотни труженников тыла и отважных воинов вырастила Новосибирская детская техническая станция.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

В ознаменование 35-летия творческой деятельности художника-сибиряка Николая Федоровича Смирнова состоялась юбилейная выставка его работ в новосибирском клубе имени Сталина.

Среди последних работ художника выделяется портрет товарища Сталина. Заслуживают особого внимания портрет первой ново-николаевской учительницы Козловой, портреты народного артиста РСФСР Скоробогатова, засл. артиста республики Рашевской, писателей Сибири Коптелова, Смердова и др. Новосибирцы с огромным интересом посещали выставку.

В ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

С утра до вечера залы Новосибирской областной библиотеки переполнены студентами, школьниками, старшими классами, рабочими, служащими и интеллигенцией города. Частыми посетителями библиотеки являются воины Красной Армии и инвалиды Отечественной войны.

Сильно возросла за последнее время тяга трудящихся к газете и книге, и залы областной библиотеки не могут вместить всех желающих туда попасть.

За хорошо поставленную массовую работу коллектив работников Новосибирской библиотеки награжден почетной грамотой Наркомпроса РСФСР и ЦК профсоюза работников просвещения. Директор библиотеки Л. Е. Леликов награжден знаком «Отличник народного образования».

ЗДЧИЕ НАШЕЙ ОБЛАСТИ

Исполнилось десятилетие со дня организации Новосибирского отделения союза советских архитекторов. Многоэтажное красное здание Сибво, жилой дом Облплана, величественное сооружение новосибирского вокзала, комплекс зданий в Кировском районе — все это плоды творческой мысли сибирских архитекторов.

Неутомимо украшают города Сибири новыми монументальными сооружениями архитекторы Б. А. Виткин, Д. И. Козьмин, А. М. Векман, В. Н. Успенский, Г. Ф. Крайнов и другие.

В годы войны ряд архитекторов — Гуляев, Татарников, Курдюков, Иванов и другие — ушли на фронт Новосибирского района в эти годы отдали много сил и энергии приспособлению зданий под эвакуированные предприятия и упрощению строительных конструкций.

ТРОЛЛЕЙБУС В НОВОСИБИРСКЕ

В текущем году в Новосибирске появится троллейбус. Решение правительства об открытии троллейбусного движения уже принято в жизнь. Разработан проект линии первой очереди, ведется подготовка к асфальтированию улиц. В Новосибирске уже принята первая партия троллейбусных вагонов.

Артист В. И. Махаров в роли Антифонта. («Комедия ошибок» Шекспира — постановка Новосибирского ТЮЗа).

Воинам

Вас, перешедших грань тины,
В шумных битвах лесов,
Вас, на разбитых окопах,
Идуших на бойных воях.

И вас, востановивших рассветы
На пахотах, в рубках бороздей,
Вас, кинувших в тобух
Просветах.

Над гроном выжженных полей,
Вас, в чужих землях,
И веря,
Что близок час твоей победы.

И ты, распахнутое небо,
Шаги друзей — вдали от станиц,
Н. Захаров.

Сибирь

Учитель через много лет
Вопрос увидит в детских лицах:
Как обновлялся Старый свет
В своих изломанных границах?
Чем наша родина жила?
Кому судьбу свою вверяла?
А где тогда Сибирь была —
Все там же, за хребтом Урала?
И давней битвы рваный след
Спокойно обвела рукою.
Он скажет: «В дни народных бед
Сибирь стояла за Московью».

В. ФЕДОРОВ.

Евг. Мин.

ОГОНЬ ПО ВРАГУ

В суровые осенние дни 1941 года родился «Огонь по врагу». Немцы наступали. Горьким дым пожарами тянулся по русской земле с запада на восток и с севера на юг. Из разоренных городов и сел уходили женщины, дети и старики. Огнем пуль, снарядов, бомб встречали мужчины захватчиков, посягнувших на свободу, честь и независимость великого народа.

Тогда-то и зазвучала в эфире песня «Душа» и раздался слоган, которые теперь на памяти у многих тысяч людей.

С боевою песней этой

не впервой нам
бить врагов советской солнечной
земли.
Боевую песню мы в былые войны
на штыке советском с честью
пропеснили.

Эх ты, песня-душа,
Песенка красавица!
Больно песня хороша,
Но врагу не нравится.

Тогда-то и стали артисты Адашевский и Борисов бойцами-разведчиками Ильей Шмельковым и Кузьмой Ветерковым, сопровождаемые своим первым другом — байонетом Иваном Пилановичем Маланниным.

Радостно и счастливо обаятели глубокого тыла слушали бойцы песни Кузьмы Ветеркова, смеялись солдаты солдатским шуткам бойцов-разведчиков, смеялись потому что, несмотря на страдания и горе, у всех советских людей крепка была вера в конечную победу. И не способствовали фашистские чудовища сломить дух и низвергнуть достоинство русского человека.

Эта вера в нашу победу, заглушая ненависть к врагам, любовь к защите Родины зажала «Огонь по врагу» священным пламенем патриотизма, сразу же завоевала ему любовь и симпатию широкой аудитории.

В далеком сибирском тылу знали о подвигах наших бойцов и командиров из газет, из оперативных сводок. Но когда о них рассказывали Шмельков и Ветерков в образной, живой форме, подвиги эти приобретали удивительную конкретность, и люди, совершившие их, становились знакомыми и близкими. Когда Шмельков и Ветерков рассказывали о бойцах, закрывших своими телами амбразуры дзотов, о смельчаках, бесстрашно идущих с зажигательными бутылками навстречу немецким танкам, радиослушатели словно воочию видели этих лучших представителей советского положительного героя. Кузьма Ветерков, собственно, и является соединением отдельных типичных черт, присущих этим героям. Вот почему для различных категорий зрителей он предстает по-разному. Некоторые зрители видят в Кузьме Ветеркове молодого советского рабочего и говорят: «Да, ведь это же наш питерский мастеровой». Другие без труда опознают в нем тракториста, душу колхозного общества, и решительно заявляют: «Позвольте, да ведь это же наш Кузя из Купинской МТС». Третьи считают его истинно кадровым бойцом.

Борисов—Кузьма Ветерков поет, как поют бойцы на марше, или на привале, или в землянке в перерыве между боями.

И здесь необходимо сказать несколько слов о жанровых особенностях «Огня по врагу». «Огонь по врагу» представляет собой соединение трех элементов искусства: лирики, героики и сатиры. Каждый из этих элементов непременно присутствует во всякой передаче «Огня по

врагу» и иногда трудно сказать, какой из них преобладает над другими.

Однако только элемент сатиры придает самообытность и оригинальность «Огню по врагу» и поэтому с полным основанием можно назвать «Огонь по врагу» новым жанром политической сатиры.

«Огонь по врагу» — это народный юмор, уходящий корнями в народное творчество, и там, где он ближе всего к народному творчеству, там он сильнее всего. Там же, где он скатывается до обиходных эстрадных каламбуров, там и авторы и исполнители терпят явное поражение.

Корни «Огня по врагу» не в сатирических журналах и эстрадных обозрениях, — в солдатском лубке.

Солдатский лубок имеет свою традицию и историю, берущую начало в далеком прошлом. Солдатский лубок — это подлинно народный жанр, грубоватый, обладающий сочностью, остротой и дерзостью.

В солдатском лубке, родившемся на раздыхе во время боев, образится народное восприятие врага, воплощенное в метком и порой гиперболическом образе, и в солдатском лубке испокон веков немалое занимает большое место. Это-то солдатский лубок и лег в основание сатирических сцен «Огня по врагу».

Необходимо отметить, что в развитии этих сцен и в утверждении жанра солдатского лубка в «Огне по врагу» большую роль сыграл один из его основателей и постоянных авторов — Д. Д. Долов.

В три года существования «Огня по врагу» Долов и Борисов в радиопередачах и на концертах сыграли огромное количество сатирических сцен.

Основными действующими лицами этих сцен были Гитлер и его окружение: Геббельс, Геринг, Риббентроп, фашистские союзники Гитлера — Муссолини, Антонеску и его верные лакеи Лаваль, Петэн, Маннергейм и другие.

Изображая эти персонажи, Адашевский и Борисов трактовали их, как трактует их солдатская масса. Это были меткие, злые, беспощадные политические шаражи на фашистских главарей и их пособников. Сатирическая галерея фашистских уродов, показанная Адашевским и Борисовым, дополнила представление зрителя о немецкой гитлеровской банде, мобилировала чувства советского человека, возбудила ненависть, презрение и отвращение к плотным врагам человечества.

Музыкальная сторона в «Огне по врагу» занимает большое место. И тут следует сказать о работе И. И. Маланнина. Незаурядный музыкант, широко популярный по всей Сибири, Маланнин насытил «Огонь по врагу» целым рядом излюбленных народных мелодий, богатых его большим количеством песенного материала, легко воспринимаемого и запоминаемого слушателем.

Особое следует отметить в создании и развитии «Огня по врагу» роль режиссера Лебедева. Темп, ритм, безопытное чувство меры, общий стиль «Огня по врагу» — все это в большой степени — результат вдумчивой и талантливой режиссерской работы.

Почти три года каждое воскресенье загорался «Огонь по врагу». Эти воскресенья были праздниками для всех радиослушателей и для советской эстрады.

Конюх колхоза «Трудовик» Нарынского района, Маруся Лобунь. За три года работы у нее не было ни одной кинской поголовья, все лошади хорошей упитанности.

ГЕСЕНКИ ИЗ «ОГНЯ ПО ВРАГУ»

ПЕСНЯ МОРЯКА

Д. Долов

Ветер вост у пущенных башей
За кормую клочокат вода.
Наши моряк и на море боевой,
И на суше отважен всегда.

Ты, песенный моряк,
Дело знаешь одно:
Бести бесстыдней враг,
Отправившись на дно!

В битве в пекле, кровавой и тяжелой,
По отступит советский моряк:
Под его подбитой танковой
Смерть прогнута не может никак!

Ты, песенный моряк, и т. д.

И в прыжке и в степе Ленинграда
Под Москвою, прага-болова,
Ты, моряк, пеламь давай, как надо,
Волгу бы ты отчаян, как лед!

Ты, песенный моряк, и т. д.
Так украсили невидомую славу,
После боя растительный гармонь
И такую отливашку печатку,
Что под пятками брызжет огонь!

Ты, песенный моряк,
Дело знаешь одно:
Если встретится враг,
Отправившись на дно!

ЧАСТЬ ДВУХ

Д. Долов

Гитлер как то рассердился —
Муссула в Берлине пел,
Пес немцетинно забавился
И подох за полчас.

Омилы гитлеровцев танкет,
Это лучше видит всяк,
Далеко пехоты не хватает
Для психических атак.

Ганс фон Шумакер на чество
Чемпионом вышло стал,
Он у нас по время драки
Свободный поезд обогнал.

К нам фашисты беззаботно
За землянку пришли,
Мы отодлим им окошко
Но аршинчику земли.

ПОБЕДИТЕЛИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ НА ВЕСЕННЕМ СЕВЕ В 1944 г.

Областной комитет ВЛКСМ и Областным подвели итоги социалистического соревнования на весеннем севе 1944 года.

Первое место на весеннем севе занял Купинский район, за ним идут Кыштовский, Ветерковский, Чистозерский, Татариновский, Соверный, Баргариновский районы.

Эти районы представлены кандидатами на получение знамени Государственного Комитета Обороны.

На штык всех МТС первые места на севе завоевали: Ново-Красинская МТС, Чистозерского района, Коурейская МТС, Чистозерского района, Новая МТС, Купинского района, Купинская МТС, Трудовое, Красное, Знамени МТС, Купинского района, Степановская МТС, Татарского района, Колосовская, Чапская, Галкинская МТС, Нарынского округа.

Эти МТС представлены кандидатами на получение знамени Наркомата земледелия СССР.

Из числа тракторных бригад победителями в социалистическом соревновании вышли следующие тракторные бригады: Новой МТС (бригадир тов. Гульев А. А.), Купинской МТС (бригадир тов. Кислов В. С.), Ново-Красинской МТС (бригадир тов. Евсеев С. А.).

Тракторная женская молодежная бригада Елтышевской МТС (бригадир тов. Малько), Степановской МТС (бригадир тов. Назайлов А. И.), Ново-Красинской МТС (бригадир тов. Ашихо С. С.).

Эти бригады награждены почетными грамотами Облисполкома с вручением ценных подарков.

Победителями в социалистическом соревновании трактористов-прицепщиков являются: тов. Смушкин Н. Н. из Менишиковской МТС и трактористка тов. Долгошова Е. И. из Урозовской МТС.

Им присвоено звание «Лучший тракторист Новосибирской области». Они награждены почетными грамотами Облполкома с вручением ценных подарков.

Победителями в соревновании колхозов первые места заняли колхозы: «Новая жизнь» и «Путь Сталина» Купинского района, и вторые места — колхозы «Путь крестьянина», Чистозерского района, им. Ворошилова, Кыштовского района, «Советская Сибирь», Шегарского района. Им вручены переходящие красные знамена Облполкома с выдачей первых и вторых премий.

Победителями в соревновании совхозов вышли на первые места Бердский зерносовхоз, Маслянинский льносовхоз, Завьяловский зерносовхоз.

В газете помещены фото В. Шумакова.

Отв. редактор И. Г. ЗОБАЧЕВ.

Новосибирск, типография издательства «Советская Сибирь».

МН12513.